

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

МАЙ.

1877.

191
1877

ПЯТОМ ДЕСЯТИЛѢТІИ.

ЧАСТЬ СХСІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. ВАЛАНОВА

Екатерин. каналъ, между Вознес. и Марининскимъ мостами, д. № 90-1.

1877.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

О времени сдачи Кресты Поляками Русскимъ въ 1612 году А. Бондратьева,

Обращеніе всей Руси въ христіанство Владиміромъ и совершенное утвержденіе въ ней христіанской вѣры при его преемникахъ (Окончаніе). Е. Голубинскаго.

Славяне на Сѣверномъ Черноморьи О. Ламбена.

Опыты по исторіи развитія христіанской легенды. (Окончаніе). А. Веселовскаго.

Критическія и библиографическія замѣтки:

Слѣды русскаго вліянія на старо-польскую письменность. Статья В. В. Макушевскаго въ *Славянскомъ Сборникѣ*. С. Пташицкаго.

Разсказы для дѣтей изъ естественной исторіи. А. Ишиковой. 1877.

Мнѣніе г. Колосова о времени написанія рукописи Слова о полку Игоревѣ Е. Барсова.

Новости иностранной литературы

Техническія учебныя заведенія въ Европѣ. А. М. Гезена.

По поводу повѣрочныхъ испытаній изъ математики въ Институтѣ инженерныхъ путей сообщенія

Педагогическая корреспонденція Г. Ш.

О дѣятельности Императорскаго русскаго археологическаго общества въ 1876 г.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ И ПРИЛОЖЕНІЕ.

(См. на 3-й стр. обертки)

СЛАВЯНЕ НА СЪВЕРНОМЪ ЧЕРНОМОРЬИ.

I.

Лѣтописныя извѣстія о племенахъ Черногорскихъ Славянъ. — Разногласіе и нѣкій касательно ихъ именъ и осѣдлостей. Угличы — народъ не «инимый»; ихъ первоначальными жилища. — Столкновеніе Руси съ Черногорскими Славянами и необходимость ихъ покоренія.

Племена Славянскія, издревле обитавшія на сѣверо-западныхъ берегахъ Черпаго моря, между Днѣпромъ и Дунаемъ, но уже въ началѣ X в. вытѣсненныя оттуда Печенѣгами, оставили о себѣ въ нашей начальной лѣтописи весьма немного извѣстій, да и тѣ, къ сожалѣнію, дошли до насъ сильно искаженными, и притомъ не во всѣхъ спискахъ: иныхъ, весьма важныхъ извѣстій вовсе нѣтъ въ такъ называемыхъ древнихъ спискахъ, которые, въ отношеніи къ большинству древнихъ сказаній, оказываются болѣе другихъ исправными. Къ тому жъ и указаніе осѣдлостей отдѣльныхъ племенъ весьма не ясно и сбивчиво во всѣхъ спискахъ, и самыя имена племенъ въ разныхъ спискахъ читаются различно. Оттого эти скудныя и темныя, мѣстами даже вовсе непонятныя извѣстія вызвали у насъ много разныхъ толкованій, догадокъ и произвольныхъ предположеній, которыя вмѣсто разъясненія, кажется, только еще больше затемнили ихъ и запутали. Посему, можно сказать, что вопросъ о значеніи Черногорскихъ Славянъ въ нашей исторіи еще ожидаетъ своего рѣшенія; а чтобы рѣшеніе было, по возможности, основательно, необходимо сперва разработать для него почву, то-есть, возстановить первоначальное, подлинное чтеніе лѣтописныхъ извѣстій объ этихъ племенахъ, особенно же объ Угличахъ, которые являются между ними какъ-бы передовымъ народомъ въ отношеніи къ Руси. Но такъ какъ самое существованіе этого народа Карамзинъ признавалъ сомни-

тельными, и летописныя извѣстія о немъ—позднѣйшими вымыслами, то при восстановленіи подлиннаго чтенія извѣстій, главная задача должна состоять въ томъ, чтобы разсмотрѣть, дѣйствительно ли заподозрѣнное Карамзиннымъ сказаніе о войнѣ Свенгелда съ Угличами не принадлежитъ Нестору, а прибавлено послѣ въ спискахъ его летописи. Приведемъ здѣсь это важное сказаніе по чтенію списковъ „Софійской первой летописи“ (Полн. собр. лѣт., т. V, 97), не затрудняя читателей подробнымъ указаніемъ всѣхъ вариантовъ, которые, по мѣрѣ надобности, будутъ указаны послѣ, при разборѣ сказанія.

Подъ 6422 (913) годомъ, то-есть, подъ вторымъ годомъ Игорева княженія, говорится во всѣхъ спискахъ: „Иде Игорьъ на Древляны, и побѣди я, и възложи на на дань болши Олговы“ (сравни. Др., 18). Затѣмъ, только списки второй, болѣе поздней редакціи (Сф. Ср. Пн. Тв.) ¹⁾ продолжаютъ: „И бѣ у него воевода именемъ Свенгелдъ (*исторчено изъ: свенгелдъ*), иже (*съ стъ. только и*) премучи Углеци (=угличи(и), угличи, улицы), и възложи на нихъ дань Игорьъ и вдасть Свенгелду; и не вдадѣшется единъ градъ, именемъ Пересѣченъ, и сѣдѣ около его 3 лѣта, и едва взя и. И бѣша сѣдѣще Угличи по Днѣпру внизъ, и по семъ придоша *межи во Днѣстръ*, и сѣдоша тамо. И дасть же (Игорь) и дань Деревскую Свенгелду, имаше же по чернѣ кунѣ отъ дыма; и рѣша дружина Игоревы: „се далъ еси единому мужу много“. Посемъ же скажемъ приключшихся лѣтѣхъ сихъ“.

Ни Татищевъ, ни другіе наши историки прошлаго столѣтія, ни даже строгій критикъ Шлецеръ нисколько не сомнѣвались въ достовѣрности этого сказанія, хотя и видѣли, конечно, что оно находится не во всѣхъ спискахъ; но Карамзинъ, не нашедъ его ни въ своихъ излюбленныхъ *харатеймахъ* (Лаврентьевскій и сгорѣвшій Троицкій), ни въ другихъ древнихъ спискахъ, въ которыхъ, по его мнѣнію, должны были по преимуществу сохраниться подлинныя и вѣрныя сказанія древняго летописца, усомнился въ его принадлежности Нестору, а потому занодозрилъ и его достовѣрность. Мнѣніе свое онъ выразилъ такъ: „Извѣстіе о притѣсненныхъ мпимыхъ Угличахъ и щедрости Игоря въ отношеніи къ Свѣнелду кажется прибавленіемъ новѣйшаго автора: оно не согласно съ показаніемъ Нестора, который

¹⁾ Сокращенія, замѣняющія названія списковъ и летописныхъ сборниковъ, указаны въ примѣчаніи подъ статью: «О Тмутараканской Руси» въ *Ж. М. Н. П.* 1874, январь, стр. 58.

совсѣмъ не упоминаеть о народѣ такого имени въ описаніи Славянскихъ племенъ, и сказываетъ, что Игорь взялъ древлянскую дань себѣ, а не для Свѣнелда, и что онъ еще увеличилъ ее: „Принимаша къ первой дани“ (Ист. Гос. Росс., I, прил. 362).

То, что Карамзинъ высказалъ только предположительно, что ему только *казалось*, признано, вслѣдствіе довѣрія къ заслуженному имъ авторитету, безъ всякаго дальнѣйшаго изслѣдованія, за дѣло рѣшенное, за истину, вполнѣ доказанную, въ которой теперь никто, кажется, не сомнѣвается. Правда, покойный Надеждинъ, въ статьѣ „О мѣстоположеніи древняго города Пересѣченя“ (*Записки Одесск. Общ. Ист. и Древн.*, I, 243—256), пытался опровергнуть мнѣніе исторіографа; но его доводы и опроверженія, вообще шаткіе и слабые, которые мы рассмотримъ въ своемъ мѣстѣ, кажется, никого не убѣдили. По крайней мѣрѣ, сказаніе о войнѣ Свенелда съ Угличами, заподозрѣнное Карамзиннымъ, доселѣ продолжаютъ вычеркивать изъ русской исторіи, или робко отводить ему мѣсто между извѣстными сомнительными, почерпнутыми изъ неизвѣстнаго источника. Такъ и проф. Соловьевъ не отважился включить его въ число „пяти преданій, занесенныхъ въ лѣтопись о дѣлахъ Игоря“, но приводитъ его въ концѣ повѣствованія объ этомъ князѣ, только для объясненія причины богатства Свенелдовыхъ отроковъ (*Исторія Россіи*, I, 117). Посему вопросъ: Нестору ли, или *новѣйшему автору* принадлежать извѣстіе объ Угличахъ, необходимо подвергнуть тщательному разбору. Мы рассмотримъ сперва—дѣйствительно ли это извѣстіе противорѣчить сказаніямъ Нестора, какъ утверждалъ Карамзинъ, а потомъ постараемся указать внутреннія, логическія примѣты, по которымъ оно, какъ намъ кажется, не можетъ не принадлежать Нестору.

Первый поводъ къ сомнѣнію Карамзинъ нашелъ въ самомъ имени народа—*Угличи*. Такого народа дѣйствительно нѣтъ между племенами, поименованными въ начальныхъ сказаніяхъ Нестора, но развѣ отсюда слѣдуетъ, что Угличи — народъ „мнимый“, и что извѣстіе о нихъ подъ 913 годомъ „несоласно съ показаніемъ Нестора“?... Вѣдь у Нестора, въ его начальныхъ сказаніяхъ, нѣтъ также и *Суличей*, однако же Карамзинъ, повѣривъ ошибочному чтенію одного только *Рдз.* списка: „а съ Суличи“, вмѣсто „а съ Уличи“ прочихъ списковъ, ни мало не затруднился признать этотъ небывалый народъ дѣйствительно существовавшимъ (*Ист. Гос. Росс.*, I, 127, прил. 301), даже вопреки ясному свидѣтельству лѣтописца, что по Деснѣ, Сѣми и Сулѣ жили Сѣверяне. Если онъ считалъ возможнымъ допустить, что

отдѣльная отрасль Сѣверянъ, жившая по Сулѣ, получила въ послѣдствіи названіе Суличей, то почему же было не допустить, что другая подобная же отрасль того же или другаго славянскаго племени, жившая въ какомъ-нибудь углу, образуемомъ сліяніемъ рѣкъ, получила названіе Угличей? Составляя же частное названіе какого-нибудь народца, имя „Угличи“, разумѣется, и не могло быть упомянуто у Нестора при исчисленіи главныхъ, коренныхъ племенъ Славянскихъ, какъ не упомянуты имена Пищанцевъ, Засаковцевъ и другихъ, появляющихся въ послѣдующихъ его сказаніяхъ.

Но предположивъ даже, что Угличи составляли одно изъ коренныхъ, самобытныхъ племенъ Славянскихъ, мы и въ такомъ случаѣ не въ правѣ были бы по отсутствію ихъ имени въ начальныхъ сказаніяхъ Нестора заподозрить повѣствованіе объ нихъ, помѣщенное подъ 913 годомъ,—не въ правѣ потому, что у Нестора нѣтъ одного общаго, систематическаго перечня всѣхъ племенъ Славянскихъ, обитавшихъ въ нынѣшней юго-западной Россіи. Онъ упоминаетъ о нихъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, при различныхъ случаяхъ, по тому или другому поводу,—сперва объясняетъ, какъ прозвались дунайскіе выходцы въ нашей странѣ отъ новыхъ жилищъ своихъ, потомъ, въ другомъ мѣстѣ, перечисляетъ племена, имѣвшія, подобно Полянамъ, „свое княженье“, затѣмъ, племена, входившія въ составъ современной ему Руси, то-есть, Русскаго государства; далѣе, упомянувъ о кочевникахъ, угнетавшихъ дунайскихъ Славянъ, разказываетъ о Дулѣбахъ, примученныхъ Обрами, потомъ говоритъ о переселеніи къ намъ Радимичей и Вятичей отъ Ляховъ, перечисляетъ племена, жившія въ мирѣ между собою, указываетъ гдѣ жили Дулѣбы, гдѣ Уличи и Тиверци, и наконецъ, описываетъ права нѣкоторыхъ племенъ Славянскихъ. При такомъ способѣ изложенія, зависѣвшемъ, вѣроятно, отъ качества самихъ источниковъ, не мудрено, если Угличи и остались не упомянутыми. И не потому ли именно, что они тамъ не упомянуты, и прибавлено къ повѣствованію о нихъ, подъ 913 годомъ, указаніе, гдѣ они первоначально жили и куда потомъ переселились?

Но можетъ быть также, что въ начальныхъ сказаніяхъ Нестора имя этого народа не пропущено, а только написано нѣсколько иначе, то-есть, что оно тамъ, или можетъ быть, и здѣсь, подъ 913 годомъ, испорчено переписчиками. Тамъ есть „Улучи“ по *Лавр. сп.* (по другимъ: Уличи, Улицы, Улутичи, Лутичи и проч.) сосѣди Тиверцевъ, которые въ спискахъ лаврентьевской категоріи упоминаются еще и въ другомъ мѣстѣ, и также рядомъ съ Тиверцами,

именно подъ 884 годомъ, гдѣ сказано, что Олегъ „съ Уличч (со Уличч, съ Суличч) и Тѣверцы имаше рать“ (Др., стр. 10). Замѣтимъ, что и въ сказаніи подъ 913 г., по крайней мѣрѣ въ одномъ спискѣ, конечно, позднѣйшемъ и мало заслуживающемъ довѣрія, именно въ Архангелогородскомъ, написано *Уличч*, вмѣсто Угличч прочихъ списковъ. Слѣдовательно, весьма возможно, что или чтеніе „Угличч“ возникло изъ правильного „Уличч“ подъ перомъ переписчика, у котораго, при этомъ, можетъ быть, вертѣлся въ головѣ городъ Угличч на Волгѣ, или на оборотъ, изъ правильного чтенія „Угличч“, вышло „Уличч“, чрезъ опущеніе буквы *г*, какъ случайная описка. И дѣйствительно, какъ то, такъ и другое изъ этихъ предположеній имѣютъ защитниковъ между нашими историками и изслѣдователями, то-есть, признавая чтенія: *Уличч*, *Суличч*, *Лутичч*, *Уличч* и проч. за одно и то же народное имя, одни считаютъ первоначальною формою этого имени *Уличч*, а другіе — *Уличч*. Такъ уже Шлецеръ въ своемъ „Несторѣ“ (Th. IV, S. 4) выразилъ догадку, что чтенія *Уличч*, *Суличч* и *Уличч* могутъ впослѣдствіи оказаться вариантами одного и того же имени; Карамзинъ (т. I, прим. 301, 362), назвавшій Уличей въ одномъ мѣстѣ Лутичами, а въ другомъ Суличами, допускалъ, что и подозрительное для него *Уличч* можетъ быть описка вмѣсто *Суличч*; Шафарикъ же (Слав. Древн., перев. *Бодянскаго*, т. II, кн. I, стр. 207) полагаетъ, что правильное имя этого народа есть *Уличч* или *Уличч*, и что *Суличч*, *Уличч*, *Лутичч* и всѣ прочія чтенія суть описки. Напротивъ того, Падеждинъ старается увѣрить, что настоящее имя спорнаго народа должно быть не *Уличч*, которое, по его замѣчанію, „не имѣетъ никакого смысла на славянскомъ языкѣ“, а *Уличч*,—потому, что это имя происходитъ отъ названія мѣстности на берегу Чернаго моря между устьями Днѣстра и Дуная, мѣстности, которая уже въ VII вѣкѣ, по свидѣтельству византійскихъ писателей, называлась на языкѣ туземцевъ *Ἐγγλος*; или *Oglus*, то-есть *Уль* (Уголь), и которая отъ Татаръ, вслѣдствіе перевода ея славянскаго имени, получила названіе *Буджака*. „Отъ страны“, замѣчаетъ онъ—„весьма естественно занимали имя свое и народы, которымъ она доставалась на долю. Татары, очевидно, по Буджаку назывались Буджаками, то-есть Угловыми. Славяне, предшествовавшіе имъ, должны были называть себя не иначе, какъ Угличччч“ (*Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др.*, I, 252). На эту же мѣстность, еще прежде Падеждина, указывалъ уже Бутковъ (Оборона лѣт. Нест., стр. 259), какъ на жилище Улучей, которыхъ онъ потому и

признаеть за Угличей. Профессоръ Соловьевъ (Ист. Росс., I, 46, и прим. 45) также считаетъ *Уличчи* за правильное имя, вмѣсто *Улучи*. Но изъ того, что указанная мѣстность называлась на языкѣ туземцевъ *Уломъ* (Ογγλος, Oglus), по нашему мнѣнiю, необходимо слѣдуетъ только то, что эти туземцы были Славяне; утверждать же, что они „должны были называть себя не иначе, какъ Угличами“, — имѣть основанiя. Они, конечно, *могли* называться Угличами, но могли называться и иначе какъ-нибудь, ибо не всегда народы принимаютъ имя отъ страны, ими обитаемой, а чаще сообщаютъ странѣ свое имя. Впрочемъ, дѣло не въ томъ, какъ называли сами себя эти славянскiе обитатели черноморскаго Угла, позднѣйшаго Буджака, а въ томъ, знаетъ ли ихъ Несторъ, и какъ онъ называетъ ихъ въ своей лѣтописи?

Хотя капитальное мѣсто Нестора о черноморскихъ Славянахъ (Др. стр. 5), къ сожалѣнiю, испорчено во всѣхъ нашихъ спискахъ, однако, посредствомъ тщательнаго сличенiя и разбора ихъ разнорѣчныхъ показанiй, можно еще возстановить его первоначальную редакцiю, которая долженствовала быть, по всей вѣроятности, слѣдующая: „а Ульци ¹⁾ и ²⁾ Тивьрьци ²⁾ сѣдяху по Бугу и по Днѣстру, и присѣдяху къ Дунаеви, и бѣ множество ихъ, сѣдяху бо по Бугу и по Днѣстру оли до моря ⁴⁾; суть гради ихъ и до сего дне ⁵⁾, да тося зоветь отъ Грекъ Великая Скиоъ“ ⁶⁾.

1) Уличи *Лавр. Рад. Трн.* Улучичи *Им. уличи ПС. такъ и Др. подл. 884 г.* лутичи *Сф. Ср. Тв.*, лютичи *ПН. Лавр. у Шлецера указаны еще варианты:* лутчи, глутичи, лучане.

2) (—). *Др. ПС. Опущенiе союза и встрѣчается и во множествѣ другихъ мѣстъ, когда предыдущее слово, какъ здѣсь, кончается на и.*

3) Тиверци *Др.*, тиверцици *ПС.*, Тиверичи *Сф. Ср. Тв. Льв.*, Тиверци, Тюверци. *ПН.* Въ другихъ мѣстахъ варианты того же имени: Тѣверци, Тиверици, Тивиреци, Тивирци, Иверци; а у Шлецера еще: Тирвоци, Тивирци.

4) Сѣдяху бо до Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви; бѣ множество ихъ, сѣдяху бо по Днѣстру или до моря, *Лавр.*; сѣдяху по бугу и по днѣпру, и

присѣдяху къ дунаеви, и бѣ множество ихъ, сѣдяху бо по бугу и по днѣпру оли до моря *Им.*; сѣдяху по бугу и по днѣпру оли до моря, *Рад. Трн.*; присѣдяху къ дунаеви, и бѣ множество ихъ, сѣдяху по днѣстру волны до моря *Сф. Ср. Тв. ПН.*; сѣдяху по бугу и по днѣстру и до дунаи, и бѣ множество ихъ и до моря *ПС.*; около дунаи (*соед. съ предыдущ.*, *предлож.*), множество же ихъ поселилось по днѣстру даже до моря *Льв.*

5) и есть градъ ихъ и нынѣ сны *ПС.*, тутъ и грады ихъ даже и до сего дне *Льв.*

6) такъ *Сф. Ср. ПН, Тв.*; да тося зваху (=и зовяхуса) отъ грекъ великая скуфъ *Др.*; грекове бо зваху ихъ скѣвъ великая *ПС.*; сiя вси отъ грекъ зовутся великая скифiя *Льв.*

Чтенія нашихъ списковъ, приведенныя здѣсь со всевозможной точностію, могутъ служить образчикомъ того произвола, съ какимъ позднѣйшіе компиляторы хозяйничали съ сказаніями Нестора. Ни одинъ изъ нихъ не списалъ этого мѣста буквально, но каждый счелъ за нужное или пропустить что-нибудь, или перенаचितъ, думая, вѣроятно, написать лучше, яснѣе, короче, чѣмъ въ оригиналѣ. Впрочемъ, чтеніе *Ипатскаго* списка здѣсь, очевидно, исправнѣе прочихъ, и по логическому смыслу довольно близко къ подлинному. Оно представляетъ только два значительныя искаженія: а) „по Днѣпру (вар. 4)“, вмѣсто общаго большинству списковъ „по Днѣстру“, которое, вмѣстѣ съ предыдущимъ „по Бугу“, въ подлинникѣ долженствовало быть написано непремѣнно дважды, что очевидно изъ самихъ различнѣйшихъ нашихъ списковъ, и б) „ся зваху“ (вар. 6), вмѣсто „ся зоветь“, которое оказывается здѣсь единственно правильнымъ, потому что Несторъ, какъ современникъ Грековъ, долженъ былъ поставить глаголъ въ настоящемъ времени, и притомъ въ единственномъ числѣ, ибо Великою Скиоіей называли страну, а не племя, ее населявшія.

И такъ, Нестору дѣйствительно извѣстны были два многочисленныя славянскія народа, которые еще въ исходѣ IX вѣка (ибо Олегъ воевалъ съ ними въ 884 г.) населяли черноморскую равнину по Бугу и по Днѣстру, простираясь до самаго морскаго берега и на юго-западъ до нижняго Дуная, слѣдовательно, занимая и ту мѣстность, которая называлась нѣкогда *Уломъ*. Но трудно сказать утвердительно, какъ въ подлинникѣ Нестора написаны были имена этихъ народовъ, различно читаемыхъ въ нашихъ спискахъ. Шафарикъ полагаетъ, что народы эти назывались *Уличи* и *Тиверцы*, и что послѣдніе были обитатели береговъ Днѣстра, древняго Тираса (Слав. Древн., т. II, кн. 1, стр. 211). Самое имя Тиверцы дѣйствительно указываетъ на *Тирасъ* (Τόρας, Тόрас, Туга), названіе Днѣстра у Геродота и другихъ древнихъ писателей; но это рѣчное названіе, вѣроятно, не греческаго происхожденія, а варварское огреченное, котораго славянская форма—если принять *о* за *и*—могла быть *Тиверьъ*, *Тивьрь*, или *Тивьра*. Отсюда этимологически правильное народное имя у Нестора, вѣроятно, было *Тивьрьци*, въ ед. ч. *Тивьрець*, которое подъ перомъ переписчиковъ, вслѣдствіе пропуска полугласныхъ, или замѣны ихъ гласными *е* и *и*, легко могло породить всѣ указанныя выше варианты нашихъ списковъ. Что же касается другаго народнаго имени, то можно съ вѣроятностію полагать, что первоначальная форма его

была *Улицы*, въ един. ч. *Улицъ*, подобно *Подольцы*, *Подольскъ*, *Уралы*, *Уралскъ*. По крайней мѣрѣ, изъ *Улицы* можно весьма естественно объяснить происхождение вариантовъ *Улицы*, *Улицы* и *Улучы*, а это послѣднее чтеніе, чрезъ графическую форму *Улутьчи*, легко могло обратиться въ *Улутичи*, которое, въ свою очередь, утративъ начальное *у*, вслѣдствіе вліянія предыдущаго союза *а*, выродилось въ *Лутичи*, *Лютичи*; то-есть, изъ неблагозвучнаго чтенія *Ип. ст.* „а Улутичи“ вышло чтеніе большинства позднѣйшихъ списковъ „а Лутичи“, которое, принявъ, также для благозвучія, букву *з*, образовало *Глутичи*. Если же всѣ эти варианты, болѣе или менѣе явственно, указываютъ на *Улицы* или *Улицы*, какъ первоначальную форму разсматриваемаго нами имени, и если притомъ къ этой же формѣ весьма близко подходитъ и греческое имя *Οὐλίνας* (*Ultini*), подъ которымъ Константинъ Багрянородный (*De adm imp.*, p. 166), очевидно, разумѣетъ тѣхъ же славянскихъ обитателей сѣвернаго Черноморья, но въ его время ужъ изгнанныхъ изъ своихъ прежнихъ жилищъ Печенѣгами и обитавшихъ далѣе къ сѣверу, по сосѣдству съ Древлянами, вѣроятно—въ Подоліи, то разумѣется, нѣтъ ни надобности, ни возможности считать эту форму опискою вмѣсто *Улицы*, какъ полагаетъ Надеждинъ. Напротивъ того, можно положительно утверждать, что еслибъ у Нестора въ двухъ различныхъ извѣстіяхъ, то-есть, въ описаніи племенъ Славянскихъ и подъ 884 годомъ, было написано *Улицы*, то это имя, какъ имѣющее опредѣленный смыслъ, какъ всѣмъ понятное и знакомое, никакъ не могло бы въ означенныхъ извѣстіяхъ совершенно исчезнуть изъ всѣхъ нашихъ списковъ, выродившись въ *Улучы*, *Улицы*, *Лутичи* и проч. Надеждинъ считаетъ имя *Улицы* опискою, потому что оно „не имѣетъ никакого смысла на славянскомъ языкѣ“; но допустивъ такое основаніе, надлежало бъ и всѣ другія народныя имена, которыхъ происхождение и значеніе неизвѣстны, какъ напримѣръ, *Дулѣбы*, *Дреговичи*, *Кривичи* признать также описками, требующими исправленія. Притомъ же, если теперь для насъ то или другое народное имя не имѣетъ смысла, то развѣ мы можемъ утверждать, что оно и прежде, въ эпоху своего возникновенія, не могло имѣть никакого смысла? Впрочемъ, имя *Улицы* или *Улицы*, кажется, и для насъ не совершенно чуждо и необъяснимо. У насъ есть слова: *улица*, *переулокъ*, *закоулокъ*, а въ областныхъ говорахъ употребительны также *улокъ* и *улка* въ значеніи „улица и вообще открытое мѣсто во дворѣ“ (см. Опытъ Обл. Словаря, изд. Ак. Н., 1852). Слова эти, происходящія отъ

корня *ул*, даютъ, отчасти, право предполагать, что въ древнѣйшемъ языкѣ существовало нѣкогда и коренное, первообразное слово *уль* или *уло*, которое, судя по логическому значенію своихъ производныхъ, могло означать пространную, открытую мѣстность, равнину, степную полосу земли, и слѣдовательно, могло служить нарицательнымъ именемъ, совершенно приличнымъ для черноморской равнины. Если жъ эта равнина называлась *Уломъ*, то обитатели ея могли, по такому же точно праву, называться *Ульцами* или *Уличами*, какъ обитатели какого-нибудь *ула*—*Уличами*.

Но если мнѣніе тѣхъ, которые у Нестора въ начальныхъ извѣстіяхъ о Славянахъ и подъ 884 годомъ хотять читать *Уличчи* вмѣсто *Умичи*, оказывается несостоятельнымъ, то съ другой стороны, нельзя согласиться и съ Шафарикомъ будто въ сказаніи подъ 913 годомъ имя *Уличчи* есть описка—вмѣсто *Умичи* (Слав. Др., т. II, кн. 1., стр. 210). Конечно, такую описку или поправку, то-есть, замѣну имени непонятнаго понятнымъ и знакомымъ для переписчиковъ, допустить легче, чѣмъ противоположную; но если изъ двадцати списковъ, содержащихъ въ себѣ это сказаніе, только одинъ Архангелогородскій имѣетъ *Улицы*, во всѣхъ же прочихъ дважды повторяется *Уличчи*, и притомъ безъ всякихъ значительныхъ варіантовъ, то отвергать такое почти единогласное свидѣтельство безъ крайней надобности и безъ всякаго достаточнаго основанія было бъ явное самоуправство, тѣмъ болѣе недозволительное, что Угличи не только по имени, но и по самому мѣсту жительства отличены отъ Ульцевъ. О нихъ въ нашемъ сказаніи замѣчено только, что они „бѣша сѣдѣюще по Днѣпру внизъ“, между тѣмъ какъ объ Ульцахъ говорится, какъ мы уже выше объяснили, что они и Тивьрьци сидѣли по Бугу и по Днѣстру до самаго моря и низовьевъ Дуная, и что ихъ было множество. Хотя здѣсь жилища Ульцевъ и Тивьрцевъ не обозначены въ отдѣльности, однако, судя по самому порядку, въ какомъ поименованы эти два народа и двѣ рѣки, служившія средоточіемъ ихъ жилищъ, равно какъ и по вѣроятности происхожденія имени *Тивьрьци* отъ древняго названія Днѣстра — Тирасъ (*Tóрас* Тивьрь), мы въ правѣ помѣстить Ульцевъ по Бугу до самаго моря, а Тивьрцевъ по Днѣстру также до моря, и далѣе на юго-западъ до нижняго Дуная.

Слѣдовательно, еслибы въ сказаніи подъ 913 годомъ дѣло шло не объ Угличахъ, а объ Уличахъ, какъ полагалъ Шафарикъ, то-есть, еслибы въ немъ первоначально было написано: „и бѣша сѣдѣюще *Умичи* по Днѣпру внизъ“, то это показаніе было бъ явно не согласно

съ предидущимъ показаніемъ, по которому Уличи (Ульци) сидѣли по всему теченію Буга до моря, то-есть, до Днѣпровскаго лимана, и притомъ были народъ многочисленный, чего никакъ нельзя сказать о народѣ, котораго жилища обозначены, такъ сказать, одною только точкою— „по Днѣпру внизъ“.

Наконецъ, имя *Уличи* еще и потому не можетъ быть опискою подъ 913 г., что оно повторяется еще и въ другомъ мѣстѣ, и также почти безъ вариантовъ; а именно, въ большинствѣ тѣхъ же позднѣйшихъ списковъ (*Сф. Ср. Тв. Льв. Арх. ПШ.*) говорится, что Аскольдъ и Диръ, оставшись въ Кіевѣ и собравъ сюда много Варяговъ, начали владѣть Полянскою землею, „и бѣша ратни съ Древляны и съ *Уличи*“ (со Югрецы *Арх.* со Угличаны *Льв.*). Это извѣстіе, также заподозрѣнное Карамзинымъ, уже рассмотрѣно въ нашей статьѣ: „Источникъ лѣтописнаго сказанія о происхожденіи Руси“¹⁾. Мы уже видѣли, что пропущенное въ древнихъ спискахъ выраженіе: „и бѣша ратни съ Древляны и съ Угличи“ несомнѣнно должно принадлежать не только къ тексту лѣтописнаго сказанія о началѣ Руси, но и къ тексту той *официальной записки*, которою пребывавшая въ Кіевѣ византійская миссія извѣстила свое правительство о первыхъ завоеваніяхъ Олега, и которую Несторъ, нашедъ въ черновой или въ копіи между актами давно упраздненной миссии, включилъ отдѣльными сегментами въ свою „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, между 6360 и 6393 годами, въ перемежку съ извѣстіями, почерпнутыми изъ другихъ источниковъ. Если же въ этой современной запискѣ упоминается объ Угличахъ и Ульцахъ, какъ о двухъ отдѣльныхъ народахъ, изъ которыхъ съ однимъ, около половины IX вѣка, вели войну Аскольдъ и Диръ, а съ другимъ воевалъ Олегъ въ то самое время, когда записка о дѣлахъ его, оконченная словами: „а съ Ульци и Тивьрьцы имать рать“, была отправлена по назначенію, и если притомъ эти два народа упоминаются еще каждый отдѣльно въ двухъ другихъ извѣстіяхъ, и къ тому же еще съ указаніемъ особаго мѣста жительства того и другаго изъ нихъ, то можно ли въ виду такихъ показаній считать которое-либо изъ двухъ именъ—Угличи или Ульци, опискою вмѣсто другаго? Очевидно, что это имена двухъ разныхъ народовъ, дѣйствительно существовавшихъ, которые, какъ увидимъ, состояли между собою въ близкомъ родствѣ, и по своимъ жилищамъ, были близкими сосѣдями.

¹⁾ См. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1874 г., июнь и июль.

Въ какой же именно мѣстности на нижнемъ Днѣпрѣ жили первоначально Угличи? — Вопервыхъ, выраженіе „по Днѣпру внизъ“ въ устахъ жителя Кіева, можетъ указывать только на мѣстность, лежащую внизъ по Днѣпру не очень далеко отъ Кіева, никакъ не дальше пороговъ. Слѣдовательно, еслибъ Угличи жили за Днѣпровскими порогами, на самыхъ низовьяхъ или близъ устьевъ Днѣпра, то указаніе занимаемой ими мѣстности было бы, по всей вѣроятности, иное, болѣе точное, ибо подъ выраженіемъ „по Днѣпру внизъ“ нельзя разумѣть низовьевъ или устьевъ Днѣпра, и вотъ почему, если Аскольдъ и Диръ, владѣя Полянскою землею, вели войну, какъ говоритъ современникъ,—только съ Древянами и Угличами, и если Игорьъ, тотчасъ по вступленіи на престолъ, также долженъ былъ воевать съ этими двумя врагами, то надо полагать, что Угличи были такіе же близкіе сосѣди Полянамъ на югъ, какъ Древяне на сѣверо-западъ, и что тѣ и другіе, какъ ближайшіе хищники, тревожили Полянскую землю своими набѣгами при Аскольдѣ и Дирѣ и боролись съ ними за свою независимость до времени Олега; покоренные же Олегомъ, они тотчасъ, по смерти его, первые отложились отъ Руси, но вскорѣ были снова покорены Игоремъ и Свенгелдомъ. Что же касается мнѣнія Надеждина, будто Угличи были кочевые обитатели мѣстности въ нынѣшней южной Бессарабіи, называвшейся Уломъ, и будто они, покидая по временамъ свой „завѣтный Уголь“ и кочуя по черноморской равнинѣ, доходили перѣдко до Буга и до нижняго Днѣпра, гдѣ, будто бы, и воевали съ Русью, то это чистая фантазія, явно противорѣчащая всѣмъ историческимъ свидѣтельствамъ. Если исторія вовсе не знаетъ никакихъ Славянъ въ кочевомъ состояніи, если Вепеды у Тацита, въ первомъ вѣкѣ, рѣзко отличаются отъ кочевниковъ Сарматовъ и своимъ образомъ жизни болѣе походятъ на Германцевъ, если Славяне и Анты у Юрпанда и Прокоція, въ VI вѣкѣ, также не кочевники, хотя и живутъ разбросанно, среди лѣсовъ и болотъ, занимая своими жилищами неизмѣримое пространство земель къ сѣверу отъ Дуная и Чернаго моря, то откуда же въ IX вѣкѣ на берегу Чернаго моря, въ такъ называемомъ Углу, между устьями Днѣстра и Дуная, кочевые Славяне—Угличи? И какъ могли эти мнимые кочевники разгуливать отъ Дуная къ Днѣпру и обратно по той самой равнинѣ, на которой въ томъ же IX вѣкѣ, по свидѣтельству нашей лѣтописи, существовало еще многочисленное осѣдлое населеніе славянское, со многими городами?... А Угличи нашего сказанія, сидѣвшіе „по Днѣпру внизъ“, развѣ кочевники? Вѣдь они сидѣли въ

городахъ, какъ видно изъ выраженія: „и не въдадишеться *единъ* градъ, именемъ Пересѣченъ“; значить, у нихъ были и другіе города, которые уже покорились и были обложены данью въ пользу Свенгелда. Если жь Угличи сидѣли „по Днѣпру внизъ“ въ своихъ городахъ во время борьбы съ Свенгелдомъ, въ началѣ X вѣка, то тамъ же, безъ сомнѣнія, сидѣли они и во времена Олега, равно какъ и при Аскольдѣ и Дирѣ, и даже раньше, ибо ихъ, по всей вѣроятности, разумѣть наша лѣтопись въ числѣ *окольныхъ*, говоря (Др., 7), что Поляне, еще до покоренія ихъ Хазарами, „быша обидимы Древлѣнами и инѣми околпими“. Итакъ, мы имѣемъ полное право признать Угличей не кочевниками, приходившими на Днѣпръ изъ черноморскаго Угла между устьями Днѣстра и Дуная, а исконными обитателями мѣстности на нижнемъ Днѣпрѣ, къ югу отъ земли Полянскій.

Но на которомъ берегу Днѣпра лежала эта мѣстность, съ Пересѣченомъ и другими городами Угличей? Татищевъ (II, прим. 98) указываетъ на восточный берегъ. Производя имя Угличей „отъ рѣки Угла, впадающей въ Днѣпръ“, онъ говоритъ, что эта рѣка есть нынѣшняя Орель, которая въ лѣтописи подъ 1184 годомъ названа *Уль* или *Эрель*, ибо „—толкуеть онъ—*уль* или *уоль* славянское, а *фрело* (не опечатка ли вмѣсто *эрело*?) сарматское тожъ значить“. Посему, поселяя Угличей на восточномъ берегу Днѣпра, при впадении Орели, или (какъ въ примѣч. 37), около Ворсклы и Самары“, онъ увѣриеть, что тамъ будто бѣ и Пересѣченъ „въ старой ландкартѣ положенъ“¹⁾.

¹⁾ Но какъ стара эта «ландкарта»? — Древнѣйшая географическая карта Московскаго государства, известная подъ названіемъ «Большой чертежъ», была составлена первоначально, какъ полагаетъ Татищевъ, не ранѣе времени Іоанна III, а по мнѣнію Лерберга и Карамзина, только при Теодорѣ Іоанновичѣ, въ исходѣ XVI в. Эта карта, ветшавшая отъ частаго употребленія, была, при послѣдующихъ царяхъ, неоднократно возобновляема и дополняема новыми свѣдѣніями, при чемъ обыкновенно составляемо было и ея *описаніе* въ особой книгѣ. Самая карта теперь неизвестна, и кажется, навсегда утратилась; уже Татищевъ нигдѣ не могъ отыскать ее, хотя она, судя по нѣкоторымъ припискамъ въ ея описаніяхъ, существовала еще въ исходѣ XVII в. Но описаніе карты уцѣлѣло въ двухъ редакціяхъ, которыя напечатаны: а) описаніе карты, составленной при царѣ Теодорѣ Алексѣевичѣ, въ 1630 г., издано *Новиковымъ*, подъ названіемъ «Древняя Россійская Идрографія», С.-Пб. 1773, и б) описаніе же карты, возобновленной по старому чертежу при Михаилѣ Теодоровичѣ въ 1627 г. вышло первыми изданіемъ подъ заглавіемъ «Книга большому чертежу». С.-Пб. 1792, безъ имени издателя; 2-е изд. *Д. Изькова*, съ вариантами и дополненіями изъ «Идрографіи». С.-Пб. 1838; 3-е изд. *Г. Спаскаго* М. 1846. Но въ этихъ издан-

Но если на востокъ отъ Днѣпра протекала рѣка именемъ Уголь, то и на западной сторонѣ была рѣка того же имени, которая притомъ въ лѣтописяхъ нерѣдко смѣшивается съ Бугомъ; да и Татищевъ (т. III, 179) упоминаетъ о ней тамъ, гдѣ наши лѣтописи именуютъ Бугъ, а именно подъ 1172 годомъ онъ говоритъ, что зимою того года, въ княженіе Глѣба Юрьевича, на кievскую сторону внезапно напали Половцы, ограбили многія села и полонили людей, и что Глѣбъ, будучи самъ тяжело боленъ, послалъ въ погоню за хищниками своихъ братьевъ, Михаила и Всеволода, которые, соединясь съ Берендѣями и Торками, „догнали Половцевъ за рѣкою Уюмъ“, разбили ихъ, отняли добычу и освободили плѣнныхъ. Большая часть нашихъ же лѣтописей (Ипат. Лавр. Воскр. Ник. II—Сузд. Твер. Львов.), упоминая объ этомъ самомъ набѣгѣ Половцевъ подъ 1171 (только Ипатск. подъ 1173) годомъ, говорятъ, что Михалко и Всеволодъ „сгопиша я за рѣкою Буюмъ (=богомъ, бѣгомъ)“, а Никоновская: „за Бугою рѣкою“¹⁾. Изъ того, что лѣтописи, говоря объ одномъ и томъ же

ныхъ описаніяхъ древней карты нѣтъ Пересѣчена, слѣдовательно, не могъ быть его и въ бывшемъ у Татищева описаніи этой карты, времяя царя Алексѣя Михайловича, которое онъ, считая весьма важнымъ памятникомъ, «изъяснилъ, пополнилъ и въ росписи елeавитную положилъ» (Ист. Росс., I, 506). Пересѣчена, покинутого Угличами уже въ началѣ X вѣка, Татищевъ, конечно, не могъ найти ни въ какихъ бывшихъ у него ландкартахъ, которыя всѣ были не древнѣе XVII вѣка; но онъ ссылается на *ландкарту*, вѣроятно, только на основаніи предположенія, что та роспись городовъ, которая помѣщена въ числѣ отдѣльныхъ статей передъ Воскресенскою лѣтописью (Поли. собр. лѣт., VII, 240), подъ заглавіемъ: «а се имена градомъ всѣхъ Русскими, дальними и ближними», есть описаніе какой-то древней карты, что можетъ быть и справедливо. Но хотя въ этой росписи, въ числѣ городовъ кievскихъ и помѣщенъ *Пересѣченъ*, только это не городъ Угличей, полагаемый Татищевымъ при Орелѣ, а совсѣмъ другой Пересѣченъ, который упоминается подъ 1154 годомъ въ Ипатской и Воскресенской лѣтописяхъ (тамъ же, т. II, 75; т. VII, 61) и находился, какъ видно, между Кіевомъ и Переяславлемъ. Вѣроятно, этотъ Пересѣченъ Бутковъ (Оборона лѣтописи русск., стр. 258) ставитъ — очевидно по догадкѣ — «на правой сторонѣ Днѣпра, нѣсколько выше Канева», ни чѣмъ не подкрѣпляя своего показанія.

¹⁾ Въ нашихъ лѣтописяхъ, преимущественно въ Ипатской, рѣка Угль, Уголь упоминается въ трехъ извѣстіяхъ: а) Подъ 1152 г., гдѣ сказано, что в. кн. Изяславъ, осажда Новгородъ-Сѣверскій, получилъ вѣсть отъ сына своего Мстислава, «оже Богъ ему помогъ Половци побѣдiti на Уилѣ и на Самарѣ» (Полное собр. лѣт. II, 71). Вѣсть получена въ февралѣ; значитъ, походъ былъ зимній, и въ немъ участвовали, какъ сказано въ лѣтописи, *всѣ Черные Клобуки*, когорше, какъ извѣстно, сидѣли на южныхъ предѣлахъ княжества Кіевского и Переяславскаго; слѣдовательно, военныя дѣйствія могли происходить какъ на западѣ,

дѣлѣ съ Половцами, разногласятъ между собою въ показаніи мѣста дѣйствія, называя одни рѣку Уюль, а другія Бугъ, нельзя не заключить, что рѣка, называвшаяся Углою, дѣйствительно находилась на западѣ отъ Днѣпра, въ близкомъ сосѣдствѣ съ южнымъ Бугомъ, такъ что дѣло, напримѣръ, преслѣдованіе Половцевъ, начавшееся на одной рѣкѣ, продолжалось или оканчивалось на другой, отчего и лѣтописцы, упоминая о такихъ дѣлахъ, называли то ту, то другую рѣку безъ различія. А такую сосѣднюю съ Бугомъ рѣкою не могла быть никакая другая, кромѣ *Игула*, который, протекая почти въ

такъ и на востокъ отъ Днѣпра. в) Подъ 1170 г. (т. II, 98) говорится, что въ походѣ на Половцевъ, въ мартѣ мѣсяцѣ, Мстиславъ Изяславичъ и другіе князья «взяша вѣжи ихъ на уюль рѣкѣ, а другыя по Снопороду, а самѣхъ постигоша съ Чернью лѣса... избыша ѣ»; иные же гнались за бѣжавшими «и за Всколь, бѣюще и». То же въ *Воскр.* и *Лѣт.* подъ 1169 годомъ (только «Всколь» нѣтъ); а въ *Патр.* и *Тверск.* подъ 1168 г., при чемъ въ первой: «на Угрѣ рѣцѣ» (*Снопорода* и *Всколь* нѣтъ), во второй же: «на Ухлѣ рѣцѣ, а нинѣ по Снопороду» (*Всколь* нѣтъ). Если здѣсь «Всколь», какъ вѣроятно—*Осколь* (Татищевъ, т. III, стр. 159, читаетъ: «гналицъ и за волковъ побиванъ»), то военныя дѣйствія, очевидно, происходили на востокъ отъ Днѣпра, вѣроятно—на верховьяхъ Угла и Снопорода. Тамъ же, значитъ, надо искать и Чернаго лѣса, гдѣ-то на водораздѣлѣ между рѣками Днѣпровскаго и Донецкаго бассейновъ. Другой Черный лѣсъ показанъ надъ верховьями Ингула и Ингульца, надписью: *Nigra silva* на картѣ, составленной въ началѣ XVII в. по чертежу царевича Теодора Борисовича Годунова и поднесенной царю Михаилу Теодоровичу составителемъ ея *Герардомъ* (Карта эта приложена къ 3-й ч. Сказаній современниковъ о Дмитрѣ Самозванцѣ, С.-Пб. 1837). *Снопородъ* упоминается еще въ *Ипатск.* лѣтописи (II, 134) подъ 1187 г. въ извѣстіи о походѣ Святослава и Рюрика, съ другими князьями, зимою на Половцевъ: князья съ своими дружинами, по причинѣ глубокихъ снѣговъ шли по льду Днѣпра и дошли «до Снопорода», гдѣ захватили стражу половецкую и узнали, что вѣжи и стада ихъ находятся «у Голубаго лѣса», до котораго оставалось только полъ-дня пути; но между князьями обнаружился несогласіе, и потому всѣ возвратились. Татищевъ полагаетъ, что Снопородъ—Самара; но вѣдь Самара и тогда такъ называлась, зачѣмъ же для нея еще другое имя? — Изъ лѣтописей видно только, что Снопородъ впадалъ въ Днѣпръ, вѣроятно—южныя рѣки Угла, которую, пожалуй, можно признать за нынѣшнюю Орель, такъ какъ это послѣднее имя въ лѣтописяхъ нигдѣ не встрѣчается. Николецъ, рѣка Уголь упоминается еще подъ 1183 г. въ *Ипатск.* лѣтописи, а у Татищева подъ 1184 г. въ повѣствованіи о походѣ на Половцевъ Святослава Всеволодовича Киевскаго, съ Рюрикомъ и со всѣми южно-русскими князьями. Святославъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, негодуя на своихъ братьевъ, отказавшихся участвовать въ походѣ, пошелъ такъ поспѣшно, что даже старшіе его сыновья съ черниговской стороны не успѣли соединиться съ нимъ, и идя по Днѣпру, остановились «идѣше нарицається Инжиръ (=княжнѣ) у Татищ.

прямою направленіемъ съ сѣвера къ югу, постепенно сближается съ Бугомъ, текущимъ съ сѣверо-запада, и наконецъ, сливается съ нимъ выше Николаева. Имя этой рѣки, по всей вѣроятности, еще въ XII—XIII вѣкѣ писали ꙗꙗꙗꙗ, и только послѣдующіе писцы замѣнили юсъ буквою оу, у; въ устахъ же народа, особенно на Волни и въ Подоліи, юсовое произношеніе этого имени могло еще долго сохраниться, поддерживаемое вліаніемъ польскаго говора. И безъ сомнѣ-

бродъ, и ту перебродилъ на ратную сторону Дняпра (Татищ. прибавляетъ: «и перешедъ рѣку Угль, Орель») и 5 дній искаша ихъ». Бого жь ихъ они искали? По смыслу здѣсь, кажется, должно бы быть «ждаша», вмѣсто «искаша», то-есть, ожидали старшихъ сыновей Святослава; да и у Татищева, вмѣсто «5 дній искаша ихъ», сказано: «стоялъ тутъ 5 дней, ожидая полковъ». Затѣмъ въ *Ипатск.* лѣтописи говорится, что отправленные отсюда передовыя дружины съ Владимиромъ Переяславскимъ и другими младшими князьями, не догнавъ бѣжавшихъ Половцевъ, возвратились «и стаха на мѣстѣ нарицаемѣмъ Ерель, его же Русь зоветь Уголь». По этому чтенію выходитъ, что *Ерель* или *Уголь* не рѣка, а мѣсто; Татищевъ же говоритъ, что Владимиръ, возвратившійся изъ погони, «остановился у рѣки Орели, не дошедъ Святослава». Впрочемъ и въ *Ипатской* лѣтописи также видно, что въ означенной мѣстности протекала рѣка какая-то, ибо далѣе говорится, что Половцы, видя, что Русскіе пошли въ обратный путь, сами въ свою очередь погнались за ними, и настигнувъ ихъ на мѣстѣ стоянки, «начаша ея стрѣляти о дѣку, и начаша межи собою перегоняти». Наконецъ, когда къ Русскимъ подошлы на помощь главные силы, Половцы опять побѣжали, а Русскіе «въвертѣшася въ нѣ, и начаша ѣ съчи и имати», и такимъ образомъ, нанесли имъ совершенное пораженіе. Судя по этому, рано какъ и по мнѣнію Татищева, надо полагать, что въ *Ипатской* лѣтописи выраженіе «нарицаемѣмъ» есть искаженіе, происшедшее, вслѣдствіе пропуска надстрочнаго и, изъ «нарицаемѣмъ» (=на рѣцѣ ичнемѣ). Стало быть, *Ерель* = *Уголь* дѣйствительно рѣка, а не мѣсто, ибо «стаха на мѣстѣ» значитъ *остановились*, и Татищевъ вѣрно передалъ смыслъ лѣтописной фразы; а такъ какъ озеро тоже что озеро, то и *Ерель* онъ принялъ за *Орель*. Въ другихъ нашихъ лѣтописяхъ (*Лавр. Воскр. Ник. II-Сузд. Тверск. и Львовск.*) извѣстіе объ этомъ походѣ, помѣщенное подъ 1185 г. (такъ на поляхъ въ печатныхъ, въ рукописяхъ же *точно*, то-есть, 6693-й мартовскій, равный январскому 1184 году) представляетъ сокращеніе и передѣлку сказанія *Ипатск.* лѣтописи, или какой-то другой, теперь неизвѣстной. Такъ, послѣ начала, сходнаго съ *Ипатскою*, въ которомъ перечислены всѣ «окольные» князья, участвовавшіе въ походѣ, говорится: «И пойдоша къ нимъ (къ Половцамъ) вкупѣ вси, и перешедоша Уголь (=Угль, Угль) рѣку»—а въ *Ник.* и *Воскр.* «Бугъ (Богъ) рѣку»—«пять дній искаша ихъ» (то-есть, Половцевъ). Почему же въ *Ник.* и въ *Воскр.* поставленъ *Бугъ*, вмѣсто *Уголь* въ той фразѣ, которой нѣтъ въ *Ипатск.*, но есть у Татищева? Едва ли по ошибкѣ. Замѣтимъ также, что у Татищева встрѣчаются въ изложеніи и другія подробности, которыя, очевидно, не могли быть ни выдуманы имъ, ни заимствованы изъ извѣстныхъ намъ лѣтописей.

ня, нынѣшняя его форма *Имуль*, занесенная къ намъ только въ позднѣйшее время изъ западной Руси, слогомъ *им* передаетъ древнюю носовую гласную *ѣ* или польскую *ą*, что видно и изъ того, что Ингулецъ въ „Книгѣ большему чертежу“ называется *Амулецъ*, рѣка же Ингуль въ ней не упоминается; да и въ лѣтописяхъ (Лавр. Ипатск.) нѣтъ ни Ингула, ни Ингульца, какъ будто при этихъ рѣкахъ никогда не случалось никакихъ столкновеній Руси съ Половцами, столь частыхъ въ XII вѣкѣ. Только въ XVI в. у Карамзина (т. VII, прим. 564) являются два Ингула; именно въ выпискахъ изъ такъ называемаго „Продолженія царственной книги“, гдѣ говорится, что Ногайскіе мурзы, воюя съ Крымцами и разоряя ихъ улусы, ходили (1560 г.) за Днѣпръ „подъ Вѣлгородъ и подъ Очаковъ и по рѣкамъ, по Бугу и по *Имуломъ*“... Если же Ингулецъ, то-есть, Малый Ингуль, западный притокъ Днѣпра, также назывался нѣкогда *ѣгълъ* (Уголь), то оказывается, что на западной сторонѣ Днѣпра были двѣ рѣки одноименныя, отъ которыхъ могли получить свое прозваніе Угличи. Вѣроятно, и восточный притокъ Днѣпра—нынѣшняя Орель также называлась нѣкогда рѣкою Угломъ (см. предыдущ. прим.); но если свести и рассмотреть лѣтописныя извѣстія о походѣ 1184 года, равно какъ и о прочихъ сопряженныхъ съ нимъ событіяхъ, то окажется, что этотъ походъ Святослава и Рюрика былъ направленъ на западную сторону нижняго Днѣпра, и что рѣка Ерель, а по русски Уголь, при которой происходили военныя дѣйствія вовсе не Орель, какъ полагалъ Татищевъ, а притокъ южнаго Буга—Ингуль.

Вотъ нѣкоторые факты по *Ипатской* лѣтописи, которые отчасти подтверждаютъ нашу догадку. Уже раннею весною 1184 г. Святославъ и Рюрикъ собирались на Половцевъ, чтобы наказать Кончака за его набѣгъ на Русь, произведенный предъ тѣмъ зимою, въ февралѣ мѣсяцѣ, но оставшійся безъ послѣдствій, потому что Кончакъ, какъ говоритъ Татищевъ, обманутый слухомъ, будто всѣ князья находятся въ сборѣ за Суноемъ, ушелъ отъ Дмитрова во-своиси. Готовые къ походу, Святославъ и Рюрикъ уже соединились у Ольжичъ и ждали только Ярослава Черниговскаго, брата Святославова. Но онъ, пріѣхавъ, уговорилъ не ходить теперь, а лучше отложить походъ до лѣта; всѣ согласились съ нимъ и разошлись по домамъ. Лѣтомъ же Ярославъ и его двоюродные братья, Святославичи Новгородъ-Сѣверскіе, отвѣчали на призывъ князя Кіевскаго: „далече ны есть ити внизъ Днѣпра, не можемъ своѣе землѣ пусты оставити; но

же поидеши на Переяславль, то скупимся съ тобою на Сулѣ" (Полн. собр. лѣт., II, 127). Впрочемъ, послѣдняя фраза этого отвѣта у Татищева (III, 255) передается иначе: „Ежели хотять (Святославъ и Рюрикъ) чрезъ поле къ Донцу итти, то они охотно соединиться обѣщали“. Видно, что при свиданіи съ Ярославомъ Черниговскимъ весною у Ольжичъ дѣйствительно рѣшено было идти лѣтомъ на Половцевъ, кочевавшихъ на востокъ отъ нижняго Днѣпра; но вѣроятно послѣ Святославъ Кіевскій и другіе князья юго-западной Руси или сами передумали, или вняли совѣтамъ Ярослава Галицкаго, и положили, чтобы прежде чѣмъ отправиться на восточный берегъ, обезопасить свои владѣнія отъ ближайшихъ враговъ—отъ Половцевъ, кочевавшихъ на западъ отъ Днѣпра, которые, въ случаѣ ихъ похода на восточныхъ кочевниковъ, не преминули бъ опустошить ихъ собственные города и села. Союзникомъ ихъ въ этомъ походѣ на западныя нивовья Днѣпра явился и сильный князь Галицкій, приславшій имъ вспомогательное войско; но за то Ярославъ Черниговскій отказался въ немъ участвовать какъ за себя, такъ и за своихъ двоюродныхъ братьевъ, князей Сѣверскихъ, не снесясь даже съ ними и не увѣдомивъ ихъ о состоявшейся перемѣнѣ театра военныхъ дѣйствій. Посему-то Святославичи Сѣверскіе, узнавъ не безъ досады, что Святославъ Кіевскій съ другими князьями, но безъ нихъ, уже выступилъ въ походъ, и полагая, что онъ, какъ сперва было условлено, пошелъ на восточную сторону Днѣпра, и что Половцы всѣ двинулись противъ него, рѣшили ударить на вѣжи половецкія близъ Дона Сѣверскаго. Но за рѣкою Мерломъ (притокъ Ворсклы) они неожиданно встрѣтили отрядъ Половцевъ въ 400 человекъ, который пробирался въ Русь, вѣроятно—также рассчитывая, что всѣ князья съ дружинами пошли на западный берегъ Днѣпра, и что теперь они могутъ на привольи похозяйничать въ селахъ и городахъ русскихъ. Отрядъ половецкій, разумѣется, былъ разбитъ и бѣжалъ; но и Сѣверскіе князья также успѣшили возвратиться, видя, что обманулись въ расчетѣ, то-есть, что восточные Половцы никуда не ушли, а всѣ спокойно остаются при своихъ вѣжахъ. Выходитъ, стало быть, что походъ Святослава дѣйствительно былъ направленъ на западный берегъ Днѣпра, и что Татищевъ ошибся, перенеся театръ войны на восточный берегъ, единственно только потому, что принялъ *Ерель* за *Орель*, и эта ошибка повторяется доселѣ (см. *Карамзина*, Ист. Г. Росс., III, стр. 63; Ист. Росс. *Соловьева*, II, 405) оттого, что наши

лѣтописк еще ожидаютъ критической разработки, безъ которой невозможна правдивая исторія ¹⁾).

Но если мы и согласимся съ Татищевымъ, что Ерель и Уголь въ нашей лѣтописи суть различныя названія нынѣшней Орели, то признать берега этой рѣки мѣстомъ жительства Угличей не дозволяютъ слѣдующія обстоятельства: 1) наша начальная лѣтопись, повѣствуя о расселеніи пришедшихъ съ Дуная племенъ Славянскихъ въ нашей странѣ, поселяетъ на востокъ отъ Днѣпра племя Сѣверянъ только „по Деснѣ, и по Семи, и по Сулѣ“ (Др., 3); далѣ же, къ югу

¹⁾ Надо, впрочемъ, замѣтить, что на извѣстія о походѣ 1184 года одной только *Ипатьской* лѣтописи нельзя вполне полагаться, особенно по запутанности ея хронологіи; въ вышеизложенныя событія, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, помѣщены въ ней подъ 6691 годомъ, между тѣмъ какъ по встрѣчающимся въ нихъ описаніямъ числамъ и недѣльнымъ днямъ, ни одно изъ нихъ не можетъ относиться къ этому году. Такъ а) «мѣсяца февраля въ 23, въ 1-ю недѣлю поста» приходилось въ 6694 году; но здѣсь въ числѣ 23 (дѣи) вѣроятно ошибка, да и самое показаніе это, кажется, относится (такъ и у Татищева, III, 252) къ предыдущему разказу о постригеніи попа Василія въ игумены нечерскому монастырю; б) «Въ томъ же лѣтѣ... апрѣля въ 13 день, въ среду» пожаръ во Владимирѣ; а тотъ же пожаръ въ *Лавр. Лѣт.* показанъ подъ 6693 годомъ «апрѣля въ 18 день, въ среду»; значитъ, это древній мартовскій годъ, который начался 1-ю марта *ex четверги*, и с) въ томъ же мартовскомъ году (= янв. 1184-му) была одержана и побѣда надъ Половцами «мѣсяца июля въ 30 (въ *Лавр.* описка «июня 31»), въ понедѣльникъ». Апрель же 13-е въ среду (когда будто бы былъ пожаръ во Владимирѣ) приходилось въ мартовскомъ 6692 високосномъ году, который начался 1-го марта во вторникъ и кончился 29 февраля въ среду. Значитъ, составитель *Ипатьской* лѣтописи, не современникъ, а позднѣйшій компиляторъ, помѣстивъ событія разныхъ годовъ подъ однимъ 6691 годомъ, который, очевидно, не мартовскій, потому что слѣдующіе затѣмъ 6692 и 6693 не мартовскіе; хотя послѣдній и начинается съ 1-го марта, но это число приходится не въ четвергъ, а *ex пятницу*, потому что Пасха въ этомъ году показана 21-го апрѣля и вторникъ 23-го апрѣля. Слѣдовательно, въ 6693 году 1-е марта, по равнымъ лѣтописямъ (*Лавр., Ипатьск.*), приходилось въ четвергъ и въ пятницу, а такъ какъ этотъ годъ есть 1-й годъ солнечнаго круга, то въ немъ дни недѣльные приходятся въ тѣ же самыя числа, какъ и въ первомъ году индикціона; значитъ и въ первомъ году индикціона 1-е марта приходится и *ex четверги*, и *ex пятницу*! Стало быть, въ томъ жаркомъ спорѣ, который происходилъ у насъ въ 50-хъ годахъ между П. В. Хавскимъ, поборникомъ *четверга 1-ю марта*, какъ начинающаго первый годъ всевозможныхъ индикціоновъ, и между его противниками, утверждавшими, что по нынѣшней пасхалии въ первомъ году индикціона 1-е марта *ex пятницу*—обѣ стороны, собственно говоря, были правы, почему каждая и осталась при своемъ мнѣніи, и споръ ничѣмъ не кончился, не привелъ ни къ какому результату,—потому что самый предметъ спора не былъ выясненъ

отъ Сулы, она ничего не знаетъ о существованіи какого-либо осѣдлаго славянскаго населенія ни въ IX вѣкѣ, ни прежде, ни послѣ; 2) Константинъ Багрянородный, говоря въ своей книгѣ „О управленіи государствомъ“, писанной около половины X вѣка, о сѣверномъ Черноморьѣ, занятомъ въ его время кочевьями Печенѣговъ, указываетъ нѣсколько развалившихся городовъ (*urbes desertae*) на западѣ отъ нижняго Днѣпра, на востокѣ же не знаетъ ни одного такого города; а еслибы тамъ, между Ворскою и Самарою, дѣйствительно жили Углича, которые только въ началѣ X вѣка, послѣ борьбы съ Свенгедомъ, покинули эти исконныя жилища свои, то въ половинѣ X вѣка города ихъ должны были бѣ еще стоять, по крайней мѣрѣ

предварительно, и спорившіе, кажется не понимали другъ друга; г. Хавскій, котораго дѣйствительно трудно было понять, толковалъ о *древней мартовской индикціи*, но не указалъ, гдѣ и когда онъ употребился или употребляется, ибо мартовскихъ годовъ въ нашей лѣтописи онъ вовсе не признавалъ, утверждая, будто Историѣ и его продолжители, какъ православные христіане, держались принятаго нашею церковью сентябрьскаго лѣтоисчисленія. Значить, онъ самъ не ясно понималъ дѣло, почему и не могъ убѣдить своихъ противниковъ. Но наши лѣтописи представляютъ многочисленныя доказательства тому, что у насъ сначала были въ употребленіи пасхальныя таблицы XIII индикціона, котораго первый 6385 годъ начинался также какъ и 6693 1-ю марта въ четверг; послѣ же появились, кажется, не ранѣе XIV вѣка, новыя таблицы того же XIII индикціона, въ которыхъ 1-е марта въ 6385 году показано уже въ пятницу. Такая таблица (назъ хират. рукоп. XIV в.) приложена къ сочиненію М. И. Сухомякина: «О древней русской лѣтописи». При первомъ взглядѣ очевидно, что эта таблица нынѣшней сентябрьской пасхали, замѣнившей въ XIV вѣкѣ древнюю пасхалию мартовскую, на что, кажется, указываетъ в Татищевъ (IV, стр. 163), говоря, что при митрополитѣ Феоноста на духовномъ соборѣ (1347 г.) установили будто бы начало года отъ сентября 1-ю числа. По этой таблицѣ, бывшей въ употребленіи уже въ XIV вѣкѣ, первый годъ 6385 дѣйствительно начинается съ 1-го сентября, то-есть, съ половины мартовскаго 6385 года и его 1-е марта, разумѣется, не предшествуетъ 6-ю мѣсяцами началу года, а слѣдуетъ за нимъ чрезъ 6 мѣсяцевъ, то-есть, это 1-е марта въ пятницу есть первый день втораго года мартовскаго индикціона. Естественно, что употребленіе подобныхъ таблицъ породило въ хронологіи нашихъ лѣтописей не малую путаницу, которая отразилась и на событіяхъ предшествовавшихъ вѣковъ, ибо составители позднѣйшихъ лѣтописныхъ сборниковъ или переправляли числа въ показаніяхъ своихъ предшественниковъ, руководствуясь новою таблицей, или самыя извѣстія ихъ переносили подъ другія годы, при чемъ, конечно, не обходилось безъ промаховъ, какъ это мы сейчасъ видимъ въ *Ипатской* лѣтописи... Но обстоятельство объ этой таблицѣ сентябрьскаго индикціона и объ отношеніи мартовскихъ годовъ нашей лѣтописи къ сентябрьскимъ будетъ предложено въ особой статьѣ; здѣсь мы только мимоходомъ коснулись этого важнаго предмета.

были бы еще хорошо видимы, и Константинъ никакъ не могъ бы, кажется, не упомянуть о нихъ, говори о городахъ на западной сторонѣ Днѣпра,—и 3) отъ Пересѣчена и другихъ городовъ Угличей, еслибы они существовали до начала X вѣка между Ворсклою и Самарой, должны были бы уцѣлѣть и до позднѣйшаго времени хоть какіе-нибудь слѣды, напримѣръ городища, могильныя насыпи, рвы, валы и проч., а между тѣмъ ни въ нашихъ лѣтописяхъ, въ которыхъ нерѣдко, уже въ XII вѣкѣ, упоминаются рѣки Ворскла, Уголь, Самара и другія, ни въ извѣстныхъ доселѣ топографическихъ и археологическихъ описаніяхъ мѣстностей, при названныхъ рѣкахъ нѣтъ указаній на существованіе тамъ какихъ-либо вещественныхъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ о древнихъ, славянскихъ осѣдлостяхъ. Положимъ, однако, что эти аргументы а silentio—доказательства не достаточныя, и допустимъ, что Сѣверяне, занявъ сперва мѣстность только до Сулы, впоследствии, особенно съ VII до исхода IX вѣка, въ эпоху—относительно говоря—довольно спокойную, расселились далѣе отъ Сулы по восточному берегу Днѣпра на югъ до Самары, или до рѣки Угла (Орели), и что жившіе при этой рѣкѣ Сѣверяне приняли отъ нея мѣстное названіе *Умичей*, можетъ быть, и не совсѣмъ правильно, ибо Шафарикъ говоритъ, что они отъ рѣки Угла должны были бы прозваться *Углынами* (Слав. древ., т. II, кн. 1, стр. 209). Но допустивъ это предположеніе, мы необходимо должны также допустить, что эти Угличи, подобно всѣмъ Славянамъ, обитавшимъ на востокъ отъ Днѣпра, подпали, вѣроятно, уже въ VIII вѣкѣ, владычеству Хазарь, а потомъ, въ исходѣ IX вѣка, вмѣстѣ съ своими сѣверными соплеменниками, подъ общимъ именемъ Сѣверянъ, покорились Олегу, который „возложилъ на нихъ дань легкую“, освободивъ отъ хазарской дани, менѣе легкой; то-есть, мы должны допустить, что все то, чтò въ нашей лѣтописи говорится о Сѣверянахъ до начала X вѣка, относится и къ предполагаемымъ южнымъ ихъ соплеменникамъ Угличамъ. Но почему же въ такомъ случаѣ Аскольдъ и Диръ, которые, безъ сомнѣнія, мирно, съ вѣдома и согласія Хазарь, водворились въ Кіевѣ (см. мою ст. „Источникъ лѣтоп. сказаніе о происхожденіи Руси“ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1874, іюль, стр. 91), и которые, потому самому, какъ видно, и не трогали своихъ ближайшихъ зарѣчныхъ сосѣдей Сѣверянъ, подвластныхъ Хазарамъ, почему они, воюя съ независимыми Древлянами, воевали въ то же время и съ предполагаемыми хазарскими данниками и соплеменниками Сѣверянъ—Угличами? И почему Угличи, эти южныя Сѣверяне,

по смерти Олега, который обложилъ ихъ только легкою данью, одновременно съ Древлѣнами, возстали противъ его преемника Игоря и съ такимъ упорствомъ сопротивлялись воеводѣ Игорю Свенгелду, тогда какъ настоящіе Сѣверяне оставались спокойными, да и впоследствии никогда не возставали противъ власти Русскихъ князей?... Такая разность въ отношеніяхъ Сѣверянъ и Угличей къ русскому господству, кажется, ясно указываетъ, что и предшествовавшая историческая судьба этихъ двухъ народовъ была совершенно различная, то-есть, что Угличи никогда не были хазарскими данниками, что они, подобно Древлѣнамъ, были народъ свободный и независимый, не приученный еще къ чуждому господству, которое настало для нихъ только со времени покоренія ихъ Олегомъ, почему они и успѣли воспользоваться смертію завоевателя, чтобы возстановить свою независимость. Если жъ Угличи не были хазарскими данниками, то и мѣсто ихъ жительства никакъ не могло находиться на востокѣ отъ Днѣпра, гдѣ всѣ другіе гораздо ихъ сильнѣйшіе народы покорствовали Хазарамъ, и гдѣ они, слѣдовательно, должны были бы неизбѣжно подвергнуться той же участи, тѣмъ болѣе, что мѣстность, отведенная для нихъ Татищевымъ, представляла открытую степь, никакими естественными преградами не защищенную съ востока отъ нападений кочевниковъ.

Наконецъ, первоначальныя жилища Угличей и потому еще слѣдуетъ полагать на западномъ берегу нижняго Днѣпра, что они, принужденные, почему бы то ни было, покинуть эти жилища свои, переселились куда-то на западъ или сѣверо-западъ, именно въ страну, прилегавшую къ Днѣстру, какъ видно изъ единогласнаго, хотя и искаженнаго чтенія нашихъ списковъ подъ 913 г. („придоша межѣ во Днѣстрѣ“) и какъ ниже несомнѣнно будетъ доказано. По крайней мѣрѣ такое переселеніе Угличей съ западнаго берега Днѣпра на Днѣстръ совершенно понятно и естественно; а если бы они жили на востокѣ отъ Днѣпра при впаденіи Орели и принадлежали притомъ къ племени Сѣверянъ, то зачѣмъ имъ было бѣжать (конечно, они бѣжали отъ кочевниковъ) такъ далеко на западъ къ другимъ племенамъ Славянскимъ, когда они могли отступить вверхъ по восточному берегу Днѣпра къ своимъ соплеменникамъ въ лѣсистую страну Сѣверскую?

И такъ, на основаніи этихъ соображеній, мы въ правѣ заключить, что Угличи жили не на восточномъ, а на западномъ берегу нижняго Днѣпра. Если же ко всему этому присовокупимъ еще, что Угличи не

упомянуты ни въ числѣ главныхъ, коренныхъ племенъ Славянскихъ въ начальныхъ извѣстіяхъ Нестора, ни въ числѣ народовъ днѣпровскаго бассейна, покоренныхъ Олегомъ, хотя они непремѣнно должны были принадлежать къ симъ послѣднимъ, и что самое имя ихъ въ началѣ X вѣка, съ переселеніемъ ихъ въ другую мѣстность, исчезаетъ изъ исторіи, то не можемъ не прійти къ заключенію, что имя это принадлежало не главному самобытному племени, а отдѣльной вѣтви какого-то славянскаго племени, и принадлежало ей именно по мѣсту ея жительства, то-есть, означало обитателей какого-то *угла*, которые, покинувъ свой уголь и поселясь въ другой мѣстности, не назывались больше Угличами. Гдѣ же, если не у самыхъ Днѣпровскихъ пороговъ, лежалъ этотъ Уголь—первоначальное жилище Угличей?... Извѣстно, что Днѣпръ, протекая отъ Кіева сперва въ юго-восточномъ направленіи до Екатеринослава и потомъ довольно круто поворачивая на югъ, а около города Александровска на юго-западъ, дѣйствительно образуетъ у пороговъ тупой уголь или вершину усѣченнаго треугольника, котораго основаніе составляетъ рѣка Ингулецъ (малый Ягльц), а двѣ стороны Днѣпръ: одну — отъ устья Тисмина до пороговъ, другую — отъ пороговъ до впаденія Ингульца. Если же, какъ говорятъ Византійцы,—южная оконечность черноморской равнины, между Прутомъ, сѣвернымъ устьемъ Дуная и моремъ, называлась нѣкогда *Уломъ* (Ουλος, Oglus), то тѣмъ большее право на такое названіе имѣлъ уголь или треугольникъ у Днѣпровскихъ пороговъ, составляющій восточную оконечность той же равнины, и потому Славяне, населявшіе этотъ восточный Уголь, непремѣнно должны были называться *Уличи*, Ягльци, на томъ же основаніи, какъ обитатели полей назывались Поляне, а лѣсной страны — Древяне. Назывались ли когда Угличами славянскіе обитатели дунайскаго Угла—неизвѣстно; но несомнѣнно извѣстно, что такъ назывались обитатели днѣпровскаго Угла, ибо объ этихъ Угличахъ, сидѣвшихъ „по Днѣпру внизъ“, только и можетъ быть рѣчь въ нашей лѣтописи: съ ними, какъ съ ближайшими южными сосѣдями и давнишними врагами Полянъ, воевали Аскольдъ и Диръ; ихъ непремѣнно долженъ былъ покорить Олегъ; ихъ же, отложившихся отъ Руси по смерти Олега, снова покорилъ Свенгелдъ, послѣ трехлѣтней осады ихъ города Пересѣчена, который, слѣдовательно, долженъ былъ стоять гдѣ-либо въ указанномъ выше треугольникѣ между Днѣпромъ и Ингульцемъ, то-есть, тамъ же, гдѣ впоследствии, въ разное время,

въ разныхъ мѣстахъ, существовала *Сѣчь* Запорожская, именовъ своимъ напоминающая древній городъ Угличей — *Перестень*.

Но наша лѣтопись, предлагая, въ извѣстномъ сказаніи о началѣ Руси, очеркъ первыхъ завоеваній Олега въ Приднѣпровьи, говоритъ въ концѣ сказанія, подъ 6393 (884) годомъ, что Олегъ, обладая уже Полянами, Древлянами, Сѣверянами и Радимичами, велъ еще войну („имяше рать“) только съ Ульцами и Тивърцами. А это сказаніе, по нашему мнѣнію, списано почти буквально съ древняго официальнаго памятника, писаннаго въ Кіевѣ при самомъ началѣ упомянутой войны ¹⁾. Значитъ, современникъ не упоминаетъ о войнѣ Олега съ Угличами. Но могъ ли Олегъ воевать съ Ульцами и Тивърцами, не воюя съ Угличами, сидѣвшими „по Днѣпру внизъ“, или не покоривъ ихъ еще раньше? Вѣдь ему, чтобы добраться до Ульцевъ и Тивърцевъ, сидѣвшихъ „по Бугу и по Днѣстру до самаго моря“, надлежало спуститься на ладьяхъ внизъ по Днѣпру мимо жилищъ Угличей, и каже по ихъ землѣ обойдти волокомъ болѣе опасные пороги. Неужели жъ онъ при этомъ оставилъ Угличей въ покоѣ? Напротивъ того, съ нѣмъ то онъ и долженъ былъ начать, чтобы утвердить господство Руси на Черномъ морѣ и оттуда, какъ съ слабѣйшаго пункта, ударить на Хазарскую державу, что, по завоеваніи приднѣпровскихъ владѣній Хазарь, конечно, долженствовало быть главною цѣлью его усилій. Почему же современный авторъ въ числѣ народовъ, съ которыми воевалъ Олегъ, не называетъ Угличей? Зналъ, безъ сомнѣнія, географическое положеніе этихъ народовъ, онъ непременно поименовалъ бы Угличей передъ Ульцами на первомъ мѣстѣ, еслибъ они составляли особое племя или хоть отдѣльную вѣтвь какого-либо другаго славянскаго племени, а не самихъ Ульцевъ; но такъ какъ Угличи, по племени происхожденію, тѣ же Ульци, то онъ не имѣлъ надобности называть ихъ особымъ именемъ, говоря о войнѣ Олега со всѣми Ульцами и Тивърцами и разумѣя подъ племеннымъ *Ульци* не только Ульцевъ собственно, но также и Угличей, и можетъ быть, еще другія подобныя же вѣтви того многочисленнаго племени. По той же причинѣ и въ начальныхъ извѣстіяхъ лѣтописца о Славянахъ, ни рядомъ съ племеннымъ именемъ Ульци, ни вмѣсто него не могло стоять *Уличчи*, какъ имя отдѣльной вѣтви тѣхъ же Ульцевъ; но

¹⁾ Памятникъ этотъ, нами восстановленный, представленъ суду читателей, съ необходимыми объясненіями, въ статьѣ: «Источникъ лѣтописнаго сказанія о происхожденіи Руси»; см. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1874, июнь и июль.

тамъ, гдѣ рѣчь идетъ только объ одной этой вѣтви, она является подъ своимъ собственнымъ именемъ: такъ, Аскольдъ и Диръ воевали съ Угличами, Свенгелдъ покорилъ Угличей. Слѣдовательно, эти два весьма сходныя между собою имени, встрѣчающіяся въ лѣтописи каждое дважды, поставлены вездѣ правильно, на своемъ мѣстѣ, одно—какъ названіе племени, другое — его вѣтви, и потому нѣтъ ни надобности, ни основанія полагать, будто Ульци есть описка вмѣсто Угличи (Шафарики), или Угличи—описка вмѣсто Ульци (Шафарикъ).

Что Угличи принадлежали къ племени Ульцевъ, видно уже изъ самаго показанія лѣтописца о жилищахъ Ульцевъ и Тивърцевъ. Поселенія на западной Черноморской равнинѣ только эти два племени и называлъ только Бугъ и Днѣстръ, какъ средоточія ихъ осѣдлостей, онъ указываетъ, что поселенія ихъ простирались на юго-западъ до нижняго Дуная, а на югъ до самаго моря, разумѣя тутъ и Днѣпровскій лиманъ, въ который впадаетъ Бугъ; восточной же границѣ ихъ поселеній онъ прямо не указываетъ, но выставляя въ особенности многочисленность Ульцевъ и Тивърцевъ („бѣ множество ихъ“) и не называя, кромѣ ихъ, никакого третьяго племени, сидѣвшаго на восточной окраинѣ равнины по Днѣпру, онъ ясно даетъ понять, что многочисленное племя Ульцевъ, сидѣвшее по Бугу до самаго лимана Днѣпровскаго, захватывало своими восточными осѣдлостями не только западный берегъ низовьевъ Днѣпра, но и треугольникъ между Днѣпромъ и Ингульцемъ, который, при множествѣ обитателей на соседнемъ Бугѣ, разумѣется, никакъ не могъ оставаться не заселеннымъ. А такъ какъ въ одномъ изъ послѣдующихъ извѣстій лѣтописца обитателями этого треугольника являются Угличи, то ихъ и должно непременно признать восточною вѣтвью Ульцевъ, а никакъ не особымъ племенемъ.

И такъ, по сказанію нашей лѣтописи, Олегъ уже въ 884 году велъ войну со всѣми Черноморскими Славянами—съ Угличами, Ульцами и Тивърцами, но чѣмъ кончилась эта война лѣтописецъ не знаетъ, потому что достовѣрный источникъ его свѣдѣній о дѣлахъ Олега покинулъ его при самомъ началѣ войны на фразѣ: „а съ Ульци и Тивърци имать рать“ (въ которой онъ, вмѣсто „имать“, поставилъ прошед. вр. „имаше“); устные же преданія ничего не сообщили ему ни объ исходѣ этой войны, ни о дальнѣйшей дѣятельности Олега, самое имя котораго до похода его на Грековъ, въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ (съ 884 до 906 г.) встрѣчается въ лѣтописи только однажды, подъ 902 г., въ извѣстіи о супружествѣ Игоря. Но

что время это протекло для Олега не въ праздности и бѣдѣйствіи, что начатое имъ покореніе племенъ Славянскихъ, обитавшихъ въ нынѣшней юго-западной Россіи, продолжалось безостановочно — это само собою разумѣется, и подтверждается притомъ не только вѣроятными соображеніями и выводами исторической логики, но и несомнѣнно оказавшимися послѣдствіями дѣятельности Олега, именно тѣмъ положеніемъ, въ какомъ, по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, явилась Русская земля въ концѣ его княженія. Конечно, не всегда отъ извѣстнаго факта, принятаго за слѣдствіе, можно безошибочно заключать о произшедшемъ его дѣйстви, потому что самаго факта слѣдствія мы не можемъ ни видѣть, ни осязать, ни воспроизводить на опытѣ, а имѣемъ предъ собою только сказаніе о немъ; если же въ сказаніи слѣдствіе передано не вѣрно, превратно, то разумѣется, и заключеніе, выведенное изъ него о дѣйстви, не можетъ быть исторически вѣрно. Если мы по перечню племенъ, контингенты которыхъ будто бы участвовали въ походѣ Олега на Царьградъ, заключимъ: 1) что всѣ эти племена были во время похода подвластны Олегу, и 2) что племена не поименованныя оставались еще непокоренными, то наши заключенія будутъ очевидно ложны, потому что этотъ перечень племенъ, равно какъ и нѣкоторыя другія мѣста лѣтописнаго сказанія, слишкомъ явно отзываются позднѣйшею легендою, записанною изъ устныхъ разказовъ никакъ не ранѣе половины XI вѣка ¹⁾. Но еслибъ этотъ перечень племенъ принадлежалъ даже современнику, самовидцу выступленія въ походъ Олеговой рати изъ Кіева, то и въ такомъ случаѣ нельзя было бы сказать, что племена, въ немъ не поименованныя, оставались еще не покоренными Русью, ибо могли быть, и безъ сомнѣнія, были причины, почему не всѣ подвластныя Руси племена участвовали въ походѣ, или не всѣ участники похода попали въ перечень: иное племя, можетъ быть, уже при самомъ его покореніи было по договору освобождено отъ обязанности участвовать въ дальнихъ походахъ, другое могло быть

¹⁾ Что лѣтописное сказаніе о походѣ Олега на Грековъ въ 6415 (906) году составлено изъ двухъ письменныхъ извѣстій: *современною* и вполне достовернаго, которое неразрывно связано съ условіями мира, продиктованными Грекамъ подъ стѣнами ихъ столицы самыми побѣдоносными Олегомъ, и *позднѣйшею*, баснословнаго, появившагося въ письменной редакціи не ранѣе половины XI вѣка, — это наглядно доказано въ моей замѣткѣ: «Дѣйствительно ли походъ Олега подъ Царьградъ—сказка?». *Жур. Мин. Нар. Просв.* 1873 г. июль.

въ то время занято войною въ другой странѣ или отраженіемъ врага отъ своихъ собственныхъ предѣловъ, или по другой уважительной причинѣ не могло выслать въ походъ своего контингента; къ тому же, то или другое имя могло пропасть изъ перечня по винѣ переписчика, а другое, можетъ быть, вовсе не было въ немъ записано, особенно имя такого племени, котораго контингентъ не явился въ Кіевъ, а послѣ на пути примкнулъ къ Олеговой рати. Касательно же племенъ, поименованныхъ въ перечнѣ, можно почти съ увѣренностію сказать, что упомянутые въ числѣ ихъ Хорваты не могли быть покорены при Олегѣ, ибо къ нимъ, въ ущелья сѣверо-восточныхъ Карпатовъ, едва ли могла проникнуть варяжская Русь Олега, обыкновенно совершавшая свои походы по рѣкамъ, на ладьяхъ. По всей вѣроятности, Хорваты, и можетъ быть, также Тивърци, сидѣвшіе по верхнему теченію Днѣстра, впервые подпали подъ власть Руся только при Владимирѣ. А что же сказать объ Ульцахъ съ Угличами и южныхъ Тивърцахъ, которыхъ не знаетъ легендарный перечень? Неужели они во время Олегова похода на Царьградъ, то-есть, слишкомъ 20 лѣтъ послѣ начала войны съ ними, все еще оставались независимыми? Какъ бы многочисленны и воинственны ни были эти народы, но они не составляли сплоченной, организованной массы, покорной волѣ одного вождя, не были соединены въ одно политическое цѣлое, а распадалась на множество мелкихъ, самостоятельныхъ родовъ, или общинъ, которые управляли сами собою, рѣшая свои дѣла на сходкахъ или вѣчахъ, и даже — какъ Славяне у Маврикія — не терпѣли надъ собою никакого повелителя. Такъ говоритъ и Прокопій о Славянахъ и Антахъ, изъ которыхъ послѣдніе, какъ увидимъ, были предки нашихъ Ульцевъ и Тивърцевъ, почему и извѣстія о нихъ особенно важны для насъ. Сказавъ, что „Славяне и Анты не подчиняются волѣ одного лица, а изъ поконь-вѣка прибываютъ въ народовластіи (*év демократία*)“, Прокопій указываетъ, что у этихъ двухъ народовъ одна вѣра, одни и тѣ же нравы и обычаи, одинъ языкъ, что они ни тѣлосложеніемъ, ни цвѣтомъ лица, ни волосами, ни чѣмъ не различаются другъ отъ друга, и такимъ образомъ ведетъ читателя къ заключенію (котораго самъ еще не высказываетъ), что Славяне и Анты собственно одинъ народъ, и наконецъ объявляетъ: „Да и самое имя у Славянъ и Антовъ было первоначально одно, ибо древніе называли ихъ обоихъ *Спорами*, отъ того, какъ я думаю, что они *разбросанно* (*σποράδην*), въ разсыпную

стоящихъ жилищъ обитаютъ въ странѣ своей¹⁾. Тѣ же показанія о бытѣ всѣхъ вообще Славянъ находимъ и у другихъ средневѣковыхъ писателей; да и нашъ лѣтописецъ повторяетъ ихъ, говоря о Полянахъ: „иже и доселѣ братьѣ бяху Поляне (то-есть, пока жили „о собѣ“, или сами собою, безъ князей и безъ Варяговъ, были равноправны, какъ братья), и живяху каждо съ родомъ своимъ и на своихъ мѣстѣхъ, володѣюще каждо родомъ своимъ“ (Др., 4).

Понятно, что при такой разрозненности родовъ и при частныхъ между ними усобицахъ Черноморскіе Славяне не могли противопоставить единодушнаго, дружнаго отпора воинственному Олегу, который, стоя во главѣ своей русской дружины, значительно усиленной по занятіи Кіева новыми сподвижниками и имѣя возможность всегда вызывать къ себѣ изъ-за моря толпы наемныхъ Варяговъ, самовластно располагалъ силами всѣхъ племенъ Славянскихъ и Финскихъ, уже прежде покоренныхъ Русью, равно какъ и подчиненныхъ его питомцу Игорю, князю Новгородскому. Неужели съ такими средствами Олегъ въ двадцать лѣтъ не могъ управиться даже съ одними Угличами, которыхъ Свенгелдъ послѣ смирилъ въ три года!... Еслибъ еще Ульцы съ Угличами сидѣли гдѣ-нибудь въ дали, въ захолустьи, въ сторонѣ отъ театра дѣйствій Руси, и были народъ бѣдный, незначительный, то можно бы, пожалуй, допустить, что Олегъ оставилъ ихъ въ покоѣ, какъ не заслуживавшихъ его вниманія; но вѣдь они жили, и притомъ ужъ издавна, въ продолженіе многихъ вѣковъ, въ странѣ богатой и плодоносной, при судоходныхъ рѣкахъ, на берегу моря, которое уже въ началѣ X вѣка называлось *Русскимъ*, — имѣли многіе города, занимались, безъ сомнѣнія, рыболовствомъ, морскою торговлею, вѣроятно, и морскими разбоями; были, значить,

¹⁾ Procop. ed. Bonn. p. 336: Καὶ μὲν καὶ ὄνομα Σκλαβηνοῖς τε καὶ Ἄνταις ἐν τῷ ἀνέκαθεν ἦν. Σπόρους γάρ τὸ παλαιὸν ἀμφότερους ἐκάλουν, οὗτι δὲ σκωραδίην, διὰ τὴν διεσκηνημένον τὴν χώραν οἰκῶσι.--Странно, какъ г. Гедеонову (*Зап. И. Ак. Наукъ*, т. I. прилож. «О Варяжск. вопросѣ», стр. 28-30) удалось открыть въ этомъ мѣстѣ у Прокопія донсторическую славянскую *Росъ*, якобы сокрытую подъ именемъ *Споровъ*! А г. Иловайскій, подхвативъ это открытіе, увѣряетъ (*Русск. Арх.* 1874, № 7, стр. 69), будто у Прокопія уже не подъ именемъ *Споровъ*, а «между тѣми безчисленными племенами Антоу, которые обитали къ сѣверу отъ страны Утургуровъ», скрываются какіе-то «собственные Руссы», и даже «безъ сомнѣнія, скрываются»!!.. Такими-то измышленіями думаютъ противники Нестора устранивъ его свидѣтельство о варяжскомъ происхожденіи Руси.

опытны въ морскомъ дѣлѣ, можетъ быть, не менѣе самихъ Варяговъ, и—главное—господствовали надъ торговымъ путемъ изъ Кіева по Днѣпру и Черному морю въ Константинополь. Слѣдовательно, оставаясь независимыми, они были бы для Руси врагами, гораздо болѣе опасными, чѣмъ Печенѣги и Половцы впоследствии. Посему покореніе ихъ, равно какъ и южныхъ Тиверцевъ, было для Руси—можно сказать—вопросомъ о жизни или смерти, и коль скоро Олегъ уже разъ вступилъ въ борьбу съ ними, то онъ непремѣнно долженъ былъ покорить ихъ, чего бъ это ему ни стоило.

Н. Ламбинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

І Ю Н Ъ .

1877.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СХСІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерин. каналь, между Вознес. и Маринскимъ мостами, д. № 90-1.

1877.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія . . .

Философскія начала цѣльнаго знанія . . . В. С. Соловьева.

Славяне на Сѣверномъ Черноморьи Н. П. Ламбина.

О древней культурѣ западныхъ Финновъ
по даннымъ ихъ языка

Русско-византийскіе отрывки В. Г. Васильевского.

Равнина и ея древности О. С.

Техническія учебныя заведенія въ Евронѣ. А. М. Гезена.

Общій уставъ италіанскихъ университетовъ.

Русская филологическая семинарія при
Лейпцигскомъ университетѣ съ 1873
по 1877 годъ

Извѣстія о дѣятельности и состояніи на-
шихъ учебныхъ заведеній: а) универ-
ситеты, б) низшія училища

Письмо изъ Парижа Л. Л—ра.

Отдѣлъ классической филологіи и Приложение.

(См. на 3-й стр. обѣртки).

СЛАВЯНЕ НА СЪВЕРНОМЪ ЧЕРНОМОРЬИ ¹⁾.

II.

Сказаніе о войнѣ Свенгелда съ Угличами. — Его достоверность и несомнѣнная принадлежность Нестору. — Исправленіе выраженій, въ немъ испорченныхъ.

Теперь обратимся къ заподозрѣнному Карамзиннымъ сказанію о войнѣ Свенгелда съ Угличами, приведенному уже въ началѣ этой статьи.

Безспорно, что Карамзинъ, нашедшій въ этомъ сказаніи „извѣстіе о притѣсненнхъ *мнимыхъ* Угличахъ и щедрости Игоря въ отношеніи къ Свенгелду“ и признавшій его „прибавленіемъ новѣйшаго автора“, судилъ слишкомъ поспѣшно и поверхностно. Угличи, для него *мнимые* только потому, что имени ихъ нѣтъ у Нестора въ начальныхъ извѣстіяхъ о племенахъ Славянскихъ, а сказаніе о борьбѣ ихъ съ Свенгелдомъ — „прибавленіе новѣйшаго автора“, потому что не встрѣчается въ древнихъ спискахъ. Но мы уже видѣли, что въ этихъ спискахъ, *отрѣзавъ* — по мнѣнію Карамзина, или вовсе пропущены, или сокращены и передѣланы многія извѣстія Нестора, которыя полнѣе и исправнѣе сохранились въ спискахъ болѣе позднихъ, и видѣли также, что имя Угличи, собственно *ѡгльци*, какъ названіе восточной вѣтви Ульцевъ, обитавшей въ углу, образуемомъ изгибомъ Днѣпра у пороговъ, и не могло явиться у Нестора въ начальныхъ извѣстіяхъ, рядомъ съ именами главныхъ, коренныхъ племенъ Славянскихъ, въ томъ числѣ и Ульцевъ — точно также, какъ не является оно въ разказѣ современника о завоеваніяхъ Олега въ Приднѣпровьи, потому что Олегъ воевалъ со всѣми Ульцами, слѣдовательно, и съ вѣтвю ихъ — Угличами. А гдѣ рѣчь идетъ только объ одной этой вѣтви

¹⁾ Продолженіе. См. Журн. Мин. Нар. Просв. за май текущаго года.

Ульцевъ, сосѣдней съ Полянми на югѣ, тамъ тотъ же современникъ называетъ ее Угличами. Аскольдъ и Диръ, говоритъ онъ, — „бѣша ратни съ Древяныи и съ Угличи“, то-есть, они, защищая Полянскую землю, вели войну съ этими двумя враждебными и хищными сосѣдями, которыхъ, вѣроятно, и принудили наконецъ къ миру; покорилъ же ихъ подѣ власть Руси только Олегъ. Хотя Древяне, и безъ сомнѣнiя, также Угличи, по смерти Олега, тотчасъ возстали и отложились отъ Руси, но тогда Игорь самъ пошелъ на Древянъ; смирилъ и наказалъ ихъ, увеличивъ платимую ими дань, а воевода его Свенгелдъ снова принудилъ къ покорности Угличей, овладѣвъ, послѣ трехлѣтней осады, городомъ ихъ Пересѣченомъ. Вообще — какъ мы уже видѣли — въ этомъ сказанiи о покоренiи Угличей нѣтъ ничего несогласнаго съ показанiями Нестора; но Карамзинъ, мотивируя свою догадку о принадлежности его новѣйшему автору, указываетъ въ немъ, кромѣ *мнимыхъ* Угличей, еще на предоставленiе Свенгелду древянской дани, какъ на щедрость Игоря, также несогласную, будто бы, съ показанiемъ Нестора. Посмотримъ, такъ ли это.

Повторимъ сперва точныя слова Нестора о древянской дани, какъ они читаются во всѣхъ нашихъ спискахъ, и древнихъ, и позднихъ: „Въ лѣто 6422 (913). Иде Игорь на Древяны, и побѣдивъ възложи на ня дань, болшу Ольгови“ (*Др.* 18). Отсюда, конечно, слѣдуетъ (хотя это прямо не сказано), что „Игорь“, какъ замѣчаетъ Карамзинъ, — „взялъ древянскую дань себѣ, а не для Свенгелда“; но вѣдь дань, то-есть, налогъ, подать, безъ сомнѣнiя, взымалась ежегодно, обыкновенно осенью, а въ нашемъ сказанiи, которое, вслѣдъ за приведенными выше словами, продолжается въ позднѣйшихъ спискахъ, соединены подѣ однимъ 913 годомъ событiя, по крайней мѣрѣ, трехъ лѣтъ, если не больше, ибо осада Пересѣчена продолжалась три года; притомъ же, по самому смыслу и ходу разказа видно, что древянская дань отдана была Свенгелду не тотчасъ послѣ ея наложенiя, а уже по взятiи имъ Пересѣчена. Слѣдовательно, если Игорь въ 913 году и взялъ эту дань себѣ за тотъ годъ, и если онъ и въ слѣдующемъ году также самъ для себя собиралъ ее, то развѣ онъ на третiй или четвертый годъ не могъ предоставить право сбора ея Свенгелду? И развѣ не отъ него зависѣло также и отнять впоследствии это право у своего воеводы и передать другому дружиннику, или присвоить опять себѣ?.. Дѣйствительно, мы видимъ, что въ 944 году Игорь опять самъ собиралъ древянскую дань, и поступая самоуправно, бралъ больше, нежели сколько первоначально было установ-

лено Олегомъ, то-есть, „примышляше къ первой (къ Олеговой) дани“, какъ говоритъ Несторъ. Но изъ того, что онъ въ началѣ и въ концѣ своего княженія бралъ эту дань себѣ, еще не слѣдуетъ, что онъ и во все остальное время, съ 913 до 944 года, постоянно самъ для себя собиралъ ее, и что право сбора ее въ этотъ слишкомъ 30-лѣтній промежутокъ не могло быть временно предоставлено Свенгелду. Въ 30 лѣтъ много могло случиться переменъ, какъ въ количествѣ, такъ и въ назначеніи этой дани. Мы знаемъ, что и въ послѣдующую эпоху, уже при болѣе развитыхъ отношеніяхъ государственныхъ, князья безпрестанно рязались между собою, кому тѣмъ владѣть и какими даянми пользоваться; знаемъ, что и бояре такъ же рязались съ своими князьями и получали отъ нихъ, вмѣсто жалованья за службу, то тѣ, то другіе города и волости въ кормленіе. Точно такіе же рязы, безъ сомнѣнія, долженствовали имѣть мѣсто и прежде—между Игоремъ и его вольными дружинниками, которые, конечно, не изъ чести только служили своему князю, но поддерживал мечемъ власть его, пользовались и выгодами этой власти, то-есть, получали во владѣніе города и волости съ правомъ сбора дани для себя, а не *государственной дани*, какъ понималъ Карамзинъ, видѣвшій въ Олегѣ и Игорѣ самодержавныхъ монарховъ правильно организованнаго государства.

И такъ, ничего несогласнаго съ словами Нестора не представляетъ разсматриваемое нами сказаніе. Это сказаніе, очевидно, древнее, достоверное, о событіяхъ дѣйствительно случившихся, которыхъ никому „новѣйшему автору“ изъ своей головы невозможно было выдумать. Да и для чего выдумывать? „Можетъ быть, для объясненія зависти Игоревыхъ воиновъ“, полагаетъ Карамзинъ (И. Г. Р., I, прим. 362). Но объ этой зависти у Нестора по древнимъ спискамъ упоминается только однажды, подъ 944 годомъ, именно словами: „отроки Свѣнльжи изодѣлися суть“ и проч. (Др. 23). Спрашивается: какому же хитрецу могло прійти въ голову для объясненія этихъ словъ приставить подъ 913 годомъ, то-есть, за 30 лѣтъ прежде, цѣлое отдѣльное сказаніе, и притомъ съ такими подробностями, которыя вовсе не нужны для этой цѣли, какъ, напримѣръ: трехлѣтняя осада Пересѣча, прилученіе Угличей, прежнее мѣсто ихъ жительства, ихъ переселеніе куда-то и проч.? Не слишкомъ ли это хитро, или лучше сказать, не слишкомъ ли естественно для вымысла?.. И если это вымыселъ, то нельзя не согласиться, что авторъ его превосходно дополнилъ Нестора: онъ объяснилъ значеніе и дѣятельность Свенгелда

при Игорѣ (а не „зависть Игоревыхъ воиновъ“, которая вовсе не требуетъ объясненія), и объяснилъ несравненно лучше и естественнѣе самого историографа. Послѣдній, приведя слова Игоревой дружины и объяснивъ, что значило тогда *ходить въ дань*, какъ и когда это производилось, продолжаетъ: „Игорь, отдыхая въ старости, вмѣсто себя посылалъ (за данью), кажется, вельможъ и бояръ, особенно Свѣнелда, знаменитаго воеводу, который, собирая государственную дань, могъ и самъ обогащаться, вмѣстѣ съ *отроками* своими, или отборными молодыми воинами, его окружавшими“ (И. Г. Р., I, 156). Замѣчательно, что именно къ этимъ словамъ текста относится въ Исторіи Карамзина 362-е примѣчаніе, въ которомъ спазаніе 913 года, единственное сказаніе нашей лѣтописи о Свенгелдѣ, какъ воеводѣ Игоря, признано *прибавленіемъ новѣйшаго автора*, то-есть, въ примѣчаніи Карамзинъ заподозрилъ извѣстіе о дѣлахъ Свенгелда и о награжденіи его древланскою данью, а въ текстѣ призналъ Свенгелда воеводой Игоря, даже назвалъ „знаменитымъ“ и назначилъ ему выгодную должность съ такъ-называемыми *безрѣчными доходами*! Откуда же онъ узналъ все это? Въ замѣнъ заподозрѣннаго лѣтописнаго сказанія онъ долженъ былъ для объясненія словъ: „отроци Свѣнльжи“ и проч. выдумать своего „Свѣнелда“. И что же?... Вышло *дѣйствительное* прибавленіе новѣйшаго автора, вовсе несогласное съ сказаніемъ Нестора: у Нестора дружина Игоря завидуеетъ богатству Свенгелдовыхъ отроковъ, слѣдовательно, и вождя ихъ, а между тѣмъ этого Карамзинскаго Свѣнелда, знаменитаго воеводу, сборщика государственной дани, лихоимца, грабителя и казнокрада, слѣдовало бы повѣсить вмѣстѣ съ его отроками, и княжеская дружина, вмѣсто того, чтобы завидовать имъ, должна бы, кажется, требовать казни злодѣевъ и отобранія награбленнаго... Но совсѣмъ не таковъ Свенгелдъ *мнимаго* „новѣйшаго автора“. Это воинъ-дружинникъ, который мечемъ служитъ своему князю, покоряетъ подъ власть его враждебныя, мятежныя племена и въ награду получаетъ право взимать въ свою пользу дань съ покоренныхъ; слѣдовательно, онъ честно обогащаетъ себя и своихъ отроковъ, которымъ потому и могла завидовать княжеская дружина, нисколько не унижая тѣмъ своего нравственнаго достоинства.

Но если этотъ мнимый „новѣйшій авторъ“ почелъ необходимымъ, почему бы то ни было, прибавить подъ 913 годомъ повѣствованіе о дѣлахъ Свенгелда, и если и самъ Карамзинъ также не могъ обойтись безъ того, чтобы къ словамъ Игоревой дружины не прибавить

своего толкованія о значеніи Свенгелда при Игорѣ, то неужели Несторъ не обязанъ былъ чувствовать той же логической необходимости? Развѣ для него законы здраваго смысла не были столько же обязательны, какъ и для всякаго другаго мыслящаго писателя? Если онъ, подъ 944 годомъ, вложилъ въ уста Игоревой дружины слова: „отроки Свѣнльжи изодѣлися суть“ и проч., то онъ непремѣнно долженъ былъ предвидѣть, что по поводу этихъ словъ читатель спроситъ его: кто же такой былъ самъ Свенгелдъ, богатству отроковъ котораго завидовала княжеская дружина? И этого, столь естественнаго вопроса онъ никакъ не могъ оставить безъ отвѣта, если онъ хотя сколько-нибудь размышлялъ, пиша свои сказанія.—Но вотъ еще другая фраза, помѣщенная въ сказаніи подъ 971 годомъ, которая въ *Др.* спискахъ также приводитъ читателя въ недоумѣніе, а именно: „и рече ему (Святославу) воевода отень Свенгелдъ“ (*Др.*, стр. 31). По выраженію „отроки Свѣнльжи (Свенгелджи)“ читатель можетъ только догадываться, что при Игорѣ былъ какой-то Свенгелдъ, какъ видно, человекъ богатый; изъ послѣдующихъ же извѣстій онъ видитъ только, что Свенгелдъ былъ воевода Святослава, но ни откуда не знаетъ еще, что тотъ же Свенгелдъ былъ воеводой и отца Святослава, а здѣсь, подъ 971 годомъ, эпитетъ „воевода отень“ напоминаетъ ему объ этомъ, какъ будто о дѣлѣ ужъ извѣстномъ. Естественно, что читатель (мы предполагаемъ, что онъ знакомъ съ одними только древними списками), затрудненный этимъ эпитетомъ не менѣе, чѣмъ выраженіемъ „отроки Свѣнльжи“, невольно спроситъ: почему жъ о дѣлахъ этого воеводы ни слова не сказано въ описаніи княженія Игоря?... Этотъ вопросъ необходимо наведетъ его на слѣдующія предположенія: или Несторъ писалъ и списывалъ свои сказанія небрежно, безъ надлежащей отчетливости и обдуманности, или выраженія: „отроки Свѣнльжи“ и „воевода отень“ не принадлежатъ ему, а вставлены послѣ, вслѣдствіе передѣлки его сказаній, или наконецъ, какое-нибудь его сказаніе о дѣлахъ Свенгелда, какъ воеводы Игоря, пропущено въ *Древнихъ* спискахъ.

Принять первое изъ этихъ предположеній мы не имѣемъ достаточнаго основанія, такъ какъ наша начальная лѣтопись, даже и въ томъ, можно сказать, безобразномъ видѣ, въ какомъ она существуетъ доселѣ въ нашихъ, не тронутыхъ критикою, спискахъ, громко свидѣтельствуетъ о здоровомъ, основательномъ, строго-логическомъ умѣ своего автора, или собственно, составителя этого перваго хронологическаго свода древнихъ сказаній, названнаго „Повѣстію временныхъ

лѣтъ". Кто бы ни былъ составитель—Несторъ ли, или Сильвестръ, но пока трудъ его не сличенъ по всѣмъ спискамъ и не разработанъ критически, дотолѣ подозрѣвать его въ небрежности, въ необдуманности или забывчивости было бы, по меньшей мѣрѣ, преждевременно. Что же касается позднѣйшихъ вставокъ—ихъ весьма много въ разныхъ спискахъ „Повѣсти“, даже нѣтъ списка, въ которомъ не было бѣ ихъ; но вставки, общія всѣмъ спискамъ, весьма рѣдки. Притомъ же, вставку, какъ чуждый наростъ, почти всегда можно вырѣзать изъ текста безъ вреда и даже съ пользою для смысла рѣчи; а какимъ же критическимъ ножомъ вырѣжемъ мы изъ сказанія о убіеніи Игоря слова его дружины объ отрокахъ Свенгелда, находящіися рѣшительно во всѣхъ спискахъ, въ которыхъ только имѣется это сказаніе? Выраженіе: „воевода отень“ также находится во всѣхъ спискахъ (кромя *Льв.*, въ которомъ слово *отень* пропущено), и если его исключить, то отгѣнокъ мысли непременно измѣнится; ибо здѣсь „воевода *отень* Свенгелдъ“—то же, что воевода Свенгелдъ, умудренный долговременною воинскою опытностію, совѣтомъ котораго князю не слѣдовало пренебрегать. Рѣшительно, послѣ Нестора, никому даже и въ голову не могло бы прійдти назвать Свенгелда при Святославѣ, подъ 971 годомъ, отцевскимъ воеводой, особенно въ *Древнихъ спискахъ*, въ которыхъ нѣтъ никакого извѣстія о дѣлахъ этого воеводы при Игорѣ, и въ которыхъ потому эпитетъ „воевода отень“ представляетъ логическую несообразность, что, очевидно, сознавалъ и писецъ Ипатскаго списка, равно какъ и составитель Густинской лѣтописи. Послѣдній просто замѣнилъ отцевскаго воеводу Святославовымъ, сказавъ: „Свенгелдъ воевода Святославль глагола Святославу“; а первый, отдѣливъ эпитетъ отъ имени союзомъ *и*, сдѣлалъ два лица изъ одного, то-есть, сказалъ; „и рече ему воевода отень *и* Свенгелдъ“, хотя слѣдующая затѣмъ фраза: „и не послуша *его*“, оставленная безъ перемѣны, указываетъ, что только одинъ говоритъ Святославу. И такъ, ясно, что и слова Игоревой дружины, и эпитетъ Свенгелда, равно какъ и самыя сказанія, въ которыхъ они заключаются, несомнѣнно принадлежать самому Нестору. Стало быть, изъ трехъ предположеній, допущенныхъ выше, какъ условно-возможныя, единственно возможнымъ и справедливымъ остается послѣднее, то-есть, что Несторъ, упомянувшій подъ 944 годомъ объ отрокахъ Свенгелда и назвавшій подъ 971 годомъ самого Свенгелда отцевскимъ воеводою, необходимо долженъ былъ при описаніи событій, предшествовавшихъ 944 году, сообщить какое-то извѣстіе о Свенгелдѣ какъ воеводѣ Игоря,

и что это извѣстіе пропущено въ нашихъ *Древнихъ* спискахъ. Теперь чтобы узнать, какое это было извѣстіе, обратимся къ позднѣйшимъ спискамъ, прочтемъ всѣ сказанія о Свенгелдѣ по Софійской первой, или по Воскресенской лѣтописи, въ послѣдовательномъ порядкѣ, начавъ съ мнимаго „прибавленія новѣйшаго автора“, подъ 913 годомъ. Мы увидимъ, что всѣ недоумѣнія, тревожившія насъ доселѣ, тотчасъ исчезаютъ, умъ нашъ вполне удовлетворенъ, все для насъ ясно и понятно, ни слова Игоревой дружины, ни эпитетъ „воевода отень“ не вызываютъ никакого вопроса, потому что изъ сказанія, помѣщеннаго подъ 913 годомъ, мы уже предварительно знакомы съ самимъ Свенгелдомъ, мы знаемъ, что это былъ главный воевода и любимецъ Игоря, щедро награжденный своимъ княземъ и, слѣдовательно, видимъ, что подъ 944 годомъ можно было совершенно законно упомянуть о богатствѣ его отроковъ, и что столь же законно можно было его самого назвать отцевскимъ воеводою при Святославѣ, подъ 971 годомъ. И такъ, вотъ то сказаніе, котораго недостаетъ въ *Древнихъ* спискахъ, и которое, однакожъ, должно непременно принадлежать Нестору, такъ какъ послѣдующія его выраженія „отроци Свѣнльжи“ и „воевода отень“, очевидно, нуждаются въ этомъ сказаніи, и только въ связи съ нимъ получаютъ свой настоящій логическій смыслъ и значеніе.

Но почему жъ это столь важное сказаніе пропущено во всѣхъ древнихъ спискахъ? Безъ сомнѣнія, не переписчики дошедшихъ до насъ списковъ виноваты въ этомъ пропускѣ: они не могли сговориться между собою и не имѣли никакой надобности вооружиться такъ дружно противъ этого сказанія; напротивъ того, судя по вариантамъ нѣкоторыхъ списковъ, можно отчасти догадываться, что переписчики даже затруднялись его отсутствіемъ въ своихъ оригиналахъ, и не знали, что дѣлать съ словомъ „отень“. Слѣдовательно, пропускъ, очевидно, появился уже въ томъ древнемъ сборникѣ, отъ котораго какъ отъ общаго родоначальника происходятъ наши *Древніе* списки. Но что именно было причиною пропуска, неразборчивость ли этого мѣста въ древней рукописи, служившей составителю сборника основнымъ матеріаломъ, или собственная неосмотрительность составителя, или какія-нибудь ошибочныя его соображенія — угадать трудно. Можетъ быть, онъ встрѣтилъ здѣсь затрудненія: 1) въ иностранномъ, чуждомъ для русскаго уха имени воеводы Игорева, 2) въ имени неизвестнаго, въ то время уже не существовавшаго народа—*Улмичи*, которое и Карамзину показалось подозрительнымъ, 3) въ непонятныхъ,

можетъ быть, ужь испорченныхъ географическихъ названійхъ, обозначающихъ мѣсто, куда переселились Углицы, и наконецъ, 4) въ темнотѣ послѣдней фразы этого пропуска: „посемъ же скажемъ приключшихся (или: по приключшихся) лѣтѣхъ сихъ“. Если онъ гадательно принялъ эту фразу въ томъ же значеніи, въ какомъ она передана въ Патриаршихъ и въ Полетиковскомъ спискахъ, то-есть, „и о семъ послѣ скажемъ“, то онъ могъ почестъ себя даже, нѣкоторымъ образомъ, въ правѣ пропустить здѣсь это темное извѣстіе о Свенгелдѣ и Угличахъ, въ томъ предположеніи, что оно встрѣтится еще послѣ, въ другомъ мѣстѣ. Но какая бы, впрочемъ, ни была причина пропуска, во всякомъ случаѣ это сказаніе, сохранившееся въ 20-ти извѣстныхъ намъ, хотя и позднѣйшихъ спискахъ и не представляющее никакихъ признаковъ подлога или позднѣйшей вставки, по всѣмъ правамъ должно быть возвращено Нестору, какъ его законная, неотъемлемая собственность.

Смѣемъ надѣяться, что послѣ представленныхъ нами доводовъ нельзя уже будетъ сомнѣваться ни въ достовѣрности сказанія о войнѣ Свенгелда съ Угличами, ни въ принадлежности его древнему лѣтописцу, и что русская исторія должна будетъ, слѣдовательно, принять это важное сказаніе на свои страницы. Но для того, чтобъ она могла вполне воспользоваться его содержаніемъ, необходимо разсмотрѣть и объяснить заключающіяся въ немъ двѣ непонятныя фразы: 1) „посемъ придоша (Угличи) межѣ во Днѣстръ“ и 2) „посемъ же скажемъ приключшихся (=по приключшихся) лѣтѣхъ сихъ“.

Изъ первой фразы видно только, что Угличи, послѣ покоренія ихъ Свенгелдомъ, *пришли куда-то*, то-есть, поселились на новомъ мѣстѣ; но названіе этого мѣста испорчено во всѣхъ спискахъ, и должно полагать, что начало порчѣ положено было уже въ общемъ ихъ родоначальникѣ, то-есть, что эта фраза, можетъ быть, уже въ подлинной рукописи Нестора или въ древней, наиболѣе распространеннейшей копіи была не совсѣмъ разборчиво написана, что въ ней вкралась какаяд-нибудь описка въ собственномъ имени, которую послѣдующіе переписчики, разумѣется, не могли ужь исправить, и потому каждый изъ нихъ старался только копировать буквы своего оригинала.

И такъ, мѣстность, въ которой поселились пришедшіе съ нижняго Днѣпра, Угличи была совершенно неизвѣстна для переписчиковъ. Посмотримъ же, не отыскали ли ее наши историки и изслѣдователи. Татищевъ въ текстѣ своей Исторіи (т. II, стр. 26) замѣтилъ только,

что „Угличи сядѣли внизъ по Днѣпру“, извѣстіе жъ о ихъ переселеніи куда-то онъ вовсе выпустилъ, а потому и въ примѣчаніи 98-мъ производитъ только имя Угличей отъ рѣки Угла или Эрели, которая, по его мнѣнію, есть иныѣшняя Орель; объ искаженіи же „межи вои Днѣстръ“ онъ не говоритъ ни слова. Шлецеръ (Nest., Th. IV, 5) объявилъ только, что „межи вои Днѣстръ, или вои дрестръ совершенно не понятно“. Карамзинъ, который, заподозривъ все сказаніе объ Угличахъ, могъ бы и вовсе уклониться отъ объясненія этого мѣста, замѣчаетъ однако (Ист. Гос. Росс., т. I, прим. 362), что „слова *межи Воиъ Дестръ* (чтеніе *Ник.* списка нѣсколько измѣненное) должны быть опискою вмѣсто *межи Воиъ и Днѣпръ*“. И это на томъ основаніи, что въ нашихъ лѣтописяхъ неоднократно упоминается какое-то географическое названіе *Воиъ* въ окрестностяхъ Переяславля, и что въ той же мѣстности слышится и *Пересѣчень*. Дѣйствительно, въ Ипат. и Воскр. лѣтописяхъ подъ 1154 годомъ говорится, что Ростиславъ, узнавъ о приближеніи Глѣба Юрьевича съ Половцами къ Переяславлю, выступилъ съ Святославомъ „изъ Кіева къ *Пересѣчю*, и ту начаста скупливати дружину“ (Полн. Собр. Лѣт., II, 75; VII, 61). Въ этой же *Пересѣчнѣ* находился, вѣроятно, и *Пересѣчискій погребъ* (тюрьма), въ который, какъ говорится подъ 6669 г. въ Ипатск. лѣт. (см. нов. изд., стр. 350), великій князь Ростиславъ, въ отмщеніе Новгороду, свергнутому княжившаго тамъ сына его Святослава, велѣлъ заточить захваченныхъ въ Кіевѣ Новгородцевъ, и гдѣ изъ нихъ въ одну ночь умерло 14 человекъ. Значить, этотъ городъ принадлежалъ къ Кіевскому князеству и лежалъ на востокѣ отъ Днѣпра, весьма не далеко отъ Кіева. Можетъ быть, это даже не городъ, а восточное, зарѣчное предмѣстье Кіева, близъ Кіевского перевоза. О *Воиѣ* же упоминается неоднократно въ *Древнихъ* спискахъ, равно какъ и въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ: именно: а) подъ 1055 г.: „иде Всеволодъ на Торки зимѣ къ *Воию* (зимѣ къ воиню *мѣтъ въ Лер.*), и побѣди Торки“; б) подъ 1079 г.: „приде Романъ съ Половци къ *Воию* (=къ Кіеву *ПН*;=къ Воиню *Льв.*), Всеволодъ же ста у Переяславля и створи миръ съ Половци“; в) подъ 1110 г.: князья Русскіе „идоша веснѣ на Половцѣ... и дошедше *Вои* и воротипаша“; г) подъ 1147 г.: „Изяславъ.... миръ створи съ Половци у *Вои*“ (Полн. Собр. Лѣт., I, стр. 70, 87, 121, 137). Но отсюда не видно, что именно—рѣка ли, городъ ли, или мѣсто какое-либо называлось *Вои*, и что должно разумѣть подъ именемъ *Пересѣчена*. Карамзинъ (т. I, прим. 362) полагаетъ, что *Пересѣчень*

былъ городъ между Переяславлемъ и Киевомъ; о Воинѣ же онъ говоритъ (тамъ же): „рѣка или мѣсто за Переяславлемъ на востокъ“, а въ другомъ мѣстѣ (т. II, прим. 111): „мѣсто за Сулою“, и въ третьемъ (т. II, прим. 145): „урочище недалеко отъ Переяслава“, замѣчая, притомъ, что около этихъ мѣстъ, гдѣ по указанію лѣтописей должно искать Воиня, „нынѣ есть рѣка *Вюнка*, впадающая въ Остерь“. Основываясь на этихъ данныхъ и соглашаясь съ Татищевымъ, что Угличи провалились отъ своего мѣста жительства на рѣкѣ Орели, называвшейся прежде *Уломъ*, Карамзинъ ведетъ ихъ отъ этой рѣки вверхъ по Днѣпру и поселяетъ между Воинемъ и Днѣпромъ, „недалеко отъ Переяслава и Киева, гдѣ былъ и городъ Пересѣченъ“ (т. II, прим. 362). Туда же, на восточный берегъ Днѣпра переселяетъ и Шафарикъ отъ рѣки Буга и низовьевъ Днѣпра своихъ *Уличей* (чтеніе *Уличи* онъ считаетъ опиской), а именно: „въ Сѣверскую землю на рѣку Воинъ, называемую теперь *Вьюнкою*, и впадающею слѣва въ Остерь, ниже Нѣжина въ губерніи Черниговской“ (Славянск. Древн., перев. *Бодянского* т. II, кн. I, стр. 210). Странно, что такое подробное указаніе новаго мѣста жительства Угличей (Уличей) Шафарикъ основалъ единственно только на полувывсказанной догадкѣ Карамзина о возможности тожества Воиня и Вюнки! Но касательно чтенія *Днѣпръ* вмѣсто *Дестръ* онъ несогласенъ съ историографомъ, а предлагаетъ читать *Естръ*, полагая, что такъ могла нѣкогда называться рѣка Остерь, и что это названіе переписчики исказили въ *Дестръ*, *Дрестръ*, *Днѣстръ* (тамъ же).

Отвергнувъ рѣшительно всѣ эти догадки и толкованія, Надеждинъ, въ статьѣ „О мѣстоположеніи Пересѣчена (*Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн.*, т. I, стр. 253) объявилъ, что непонятную фразу: „посемъ придоша жежи воинъ Днѣстръ“ (которая, замѣтимъ, не написана такъ ни въ одномъ спискѣ) должно читать вотъ какимъ образомъ: „посемъ преидоша вежи свои на Днѣстръ“. Къ этому чтенію, послѣ словъ „преидоша вежи свои“, онъ прибавляетъ въ скобкахъ: *то-есть, передвинули свои вежи, свои жилища*, и затѣмъ, далѣе объясняетъ, что „вежами назывались въ старину не одни подвижные шатры кочевыхъ народовъ, но и укрѣпленныя твердыни“. И такъ Угличи переклинули свои укрѣпленныя твердыни съ Днѣпра на Днѣстръ!... Какіе, подумаешь, механики! А еще кочевой народъ...

Что же побудило Надеждина прибѣгнуть къ такому странному чтенію и еще болѣе страннымъ толкованіямъ? Дѣло вотъ въ чемъ: онъ нашелъ въ Бессарабіи, въ Оргѣвскомъ уѣздѣ, въ верстахъ со-

рока или пятидесяти на западъ отъ Днѣстра, деревню *Пересѣчени*, и заключилъ, что здѣсь-то именно и стоялъ древній Пересѣчень, упоминаемый въ нашей лѣтописи, здѣсь, стало быть, ратовалъ Свенгельдъ, воевода Игоря, здѣсь—въ южной степной части Бессарабіи, въ татарскомъ Буджакѣ, въ древнемъ „завѣтномъ Углу славянскомъ“ жили Угличи, то-есть, *Уломые Славяне*! И такъ, единственно въ угоду бессарабской деревушкѣ онъ не только истолковалъ искаженныя слова списковъ совершенно произвольно, но переимѣнилъ еще и слова, вполне правильныя и понятныя: „придоша“ и „межи“ (то-есть между), которыхъ никакъ нельзя считать искаженіями! Мало того: слова лѣтописи „бѣша сѣдѣше Угличи по Днѣпру внизъ, и по семь придоша“, слѣдуя непосредственно за извѣстіемъ о примученіи Угличей и взятіи Пересѣчена, тѣмъ самымъ уже ясно указываютъ, что Угличи жили на нижнемъ Днѣпрѣ именно во время войны съ ними Свенгелда, и что они только „по семь“, то-есть, послѣ ихъ покоренія, послѣ паденія Пересѣчена покинули свои прежнія жилища и пришли куда-то, потому ли, что не хотѣли платить наложенной на нихъ дани, или потому, что были вытѣснены Печенѣгами (которыхъ первое появленіе на Русской землѣ лѣтописецъ помѣщаетъ именно вслѣдъ за извѣстіемъ о войнѣ съ Угличами, подъ 914 годомъ); а между тѣмъ Надеждинъ увѣряетъ, что Угличи жили по низовьямъ Днѣпра только „до нашествія Печенѣговъ, бывшаго при Олегѣ“, и что именно это (не бывалое) нашествіе Печенѣговъ при Олегѣ „отбросило ихъ отъ Днѣпра за Днѣстръ“! Значитъ, онъ не только перетолковалъ по своему совершенно ясный смыслъ сказанія, но еще выдумалъ новый историческій фактъ, неизвѣстный лѣтописцу — нашествіе Печенѣговъ при Олегѣ!... И все это только для того, чтобы заставить Свенгелда воевать въ Бессарабіи и тѣмъ прославить свою находку—деревню Пересѣчени ¹⁾).

Имя этой деревни соблазнило и проф. Соловьева, который утверждаетъ, что по взятіи Свенгелдомъ Пересѣчена, Угличи, жившіе до толѣ въ низовьяхъ Днѣпра, „двинулись на западъ, перешли Днѣстръ и поселились на западномъ его берегу, гдѣ еще теперь, въ Оргѣв-

¹⁾ Впрочемъ, можетъ быть, что у Надеждина въ выраженіи: «до нашествія Печенѣговъ, бывшаго при Олегѣ», Печенѣги явились вѣсто Мадьяръ, Угровъ, вслѣдствіе опечатки, точно также, какъ нѣсколькими строками выше, Игорь попалъ на мѣсто Олега—на той же стр. 253, гдѣ сказано: «Во время Игоря чрезъ Днѣпръ промчались уже бурнымъ вихремъ Мадьяры».

скомъ уѣздѣ Бессарабской области, находится деревня Пересѣчени, или Пересѣчина, вѣроятно основанная бѣглецами въ память прежняго ихъ города" (Ист. Росс., I, стр. 46, и прим. 45). Правда, въ испорченномъ извѣстїи о переселенїи Угличей довольно явственно слышится имя Днѣстръ, но это не представляетъ еще никакого основанїя предполагать, что Угличи переселились именно за *Днѣстръ*; построить же подобное предположеніе на одномъ только имени находящейся за Днѣстромъ деревни Пересѣчени—еще менѣе основательно. Одно, что по имени этой деревни можно заключить, это то, что жители ея были Славяне, и что они окрестили свою деревню славянскимъ именемъ *Пересѣчень* или *Пересѣчина*, вѣроятно, потому, что она на самомъ дѣлѣ *пересѣкалась* рѣкою, рѣчкой, оврагомъ—вообще чѣмъ бы то ни было, или что она стояла на пересѣченіи какихъ-либо главныхъ путей, пролегавшихъ чрезъ нее въ разныя стороны. По той же причинѣ, вѣроятно, и другіе Славяне—Угличи называли свой приднѣпровскій городъ Пересѣченомъ, и третїе—дали то же названіе своему городу или урочищу, на востокѣ отъ Днѣпра близъ Кіева. Если всѣ такія, сходныя между собою, или одинаковыя географическія названїя, очевидно подсказанныя свойствомъ или качествомъ самой мѣстности, считать происходящими одно отъ другаго, то прїдется допустить, что и всѣ *Грязныя* улицы и переулки въ Петербургѣ (нѣкоторыя изъ нихъ теперь уже переименованы) также родственны между собою по происхожденію своихъ первыхъ обитателей, то-есть, что выходцы изъ какой-то первоначальной Грязной, поселившись въ другихъ частяхъ города и образовавъ новыя улицы, на самомъ дѣлѣ сухія и чистыя, называли ихъ, однако Грязными въ память своего прежняго мѣста жительства.

И такъ, ни одно изъ предложенныхъ до селѣ толкованій разсматриваемой нами непонятной фразы не можетъ быть признано удовлетворительнымъ. Всѣ они не болѣе, какъ случайныя, произвольныя догадки, схваченныя, такъ сказать, со стороны, явно насилующїя чтеніе списковъ и потому не выдерживающія критики. По нашему мнѣнію, чтеніе списковъ, какъ бы испорчено оно ни было, все-таки представляетъ единственное основаніе для догадокъ и логическихъ соображеній при рѣшенїи вопроса, что и какъ написалъ древній лѣтописецъ въ данномъ мѣстѣ, искаженномъ переписчиками. Безъ такого основанїя самая счастливая, самая геніальная догадка будетъ не болѣе, какъ догадка, которую подкрѣпить не чѣмъ. Обратимся же къ спискамъ, сличимъ ихъ показанїя и разберемъ каждое слово, каж-

дую букву непонятнаго для насъ выраженія, подъ которыми, какъ очевидно, сокрыто указаніе на мѣстность, гдѣ сѣли пришедшіе съ нижняго Днѣпра Угличи.

Вотъ что говорятъ списки:

- „прѣдоша межн *во днѣстрѣ*“—(7 списковъ *Сф.*)
- „ „ *воиднѣстрѣ*“—(3 сл. *Ср.* и сл. *Тв.*)
- „ „ *воидѣстрѣ*“—(6 списковъ *ПН.*)
- „ „ *воиндрѣстрѣ*“—(списокъ *П-Шл.*)

Въ самыхъ рукописяхъ вся эта фраза, разунѣтся, написана сложнымъ письмомъ, безъ раздѣленія на слова и безъ заглавныхъ литеръ въ началѣ собственныхъ именъ, какъ обыкновенно писали въ старину; но мы оставили „прѣдоша“ и „межн“, такъ какъ они напечатаны въ Полномъ Собраніи Лѣтописей, ибо они совершенно понятны и правильны, ихъ нельзя считать искаженными, и нѣтъ причинъ сомнѣваться въ правильности ихъ раздѣленія. Слѣдующія же затѣмъ курсивныя буквы мы написали слитно, какъ въ рукописяхъ, потому что не знаемъ еще, на какія слова ихъ должно будетъ разложить по логическимъ соображеніямъ.

Что же слѣдуетъ заключить по этой фразѣ о новомъ мѣстѣ жительства Угличей?—1) Глаголь „прѣдоша“ указываетъ, что это неизвѣстное мѣсто лежало ближе къ Киеву, чѣмъ прежнія жилища Угличей, ибо еслибъ оно находилось дальше, напримѣръ, на Дунаѣ въ Бессарабіи, то лѣтописецъ, жившій въ Киевѣ и знавшій, конечно, положеніе упоминаемыхъ имъ мѣстъ, не могъ бы сказать „прѣдоша“. Въ его устахъ выраженіе: „бѣша сѣдяще по Днѣпру внизъ и по семъ прѣдоша къ Дунаевн“ было бы также неестественно и неправильно, какъ напримѣръ, въ устахъ жителя Петербурга выраженіе: такой-то жилъ сначала въ Москвѣ, а потомъ прѣехалъ въ Варшаву. 2) Союзъ „межн“, то-есть, между, ясно указываетъ, что лѣтописецъ не выставилъ здѣсь собственнаго имени этого неизвѣстнаго мѣста, а только обозначилъ его географическое положеніе поименованіемъ нѣсколькихъ пограничныхъ чертъ или точекъ, то-есть, рѣкъ, горъ, городовъ или другихъ предметовъ, *между* которыми оно лежало. 3) По малому числу буквъ, слѣдующихъ за „межн“ и представляющихъ, какъ уже замѣчено, приблизительную копировку словъ лѣтописца, должно полагать, что въ подлинникѣ здѣсь было не болѣе двухъ географическихъ именъ, изъ которыхъ послѣднее непременно должно было быть присоединено къ первому посредствомъ союза *и*.

Обращаясь теперь къ самымъ буквамъ и находя въ спискахъ *Ср.*

ПН. Тв. и *II-Ша.* послѣ *во* букву *и*, мы въ правѣ принять ее за необходимый здѣсь, по логическимъ законамъ, союзъ *и*, который можемъ, слѣдовательно, возстановить и въ спискахъ *Сф.*, гдѣ онъ очевидно пропущенъ. А такъ какъ этотъ союзъ соединяетъ здѣсь какія-то два географическія названія, то составивъ изъ буквъ, ему предшествующихъ, *одно*, а изъ слѣдующихъ за нимъ *другое* названіе, мы получимъ единообразное чтеніе 11-ти списковъ: „придоша межѣ Во и Днѣстръ“. Отъ этого чтенія шести списковъ *ПН* уклоняются только весьма обыкновенною перестановкою буквъ *ди*, то-есть, вмѣсто *днестръ* имѣють *идестръ*; списокъ же *IIIа.* къ этой перестановкѣ *ид* присоединяетъ еще *р*, и имѣетъ *идрестръ* вмѣсто *днестръ*. Спрашивается, нужно ли и можно ли послѣ этого еще думать о чтеніи *Днѣпръ*, или *Естеръ* вмѣсто „Днѣстръ“? Можно ли переселять Угличей на востокъ отъ Днѣпра, въ Сѣверскую землю, когда всѣ списки ясно указываютъ на Днѣстръ, какъ на черту, къ которой примыкали новыя ихъ жилища? Нельзя также переселять ихъ и на западъ отъ Днѣстра въ южную Бессарабію, во первыхъ, потому, что это было бы дальше отъ Кіева, чѣмъ ихъ прежнія жилища, и слѣдовательно, Несторъ, житель Кіева, не могъ бы въ такомъ случаѣ сказать, что они „придоша“, и повторилъ, потому, что лѣтописецъ, ведя Угличей отъ нижняго Днѣпра на западъ и поселяя въ странѣ, лежавшей между чѣмъ-то и Днѣстромъ, тѣмъ самымъ ясно указываетъ на Днѣстръ, какъ на крайній западный предѣлъ, до котораго расселились Угличи.

И такъ, разсматриваемое нами выраженіе вовсе не такъ безнадежно испорчено въ нашихъ спискахъ, какъ кажется съ перваго раза. Оно представляетъ собственно только одно непонятное искаженіе, именно *во*. Впрочемъ и объ этомъ *во* мы можемъ утвердительно сказать, что оно должно быть испорченное названіе какой-то пограничной черты, между которою и Днѣстромъ сѣли пришедшіе съ нижняго Днѣпра Угличи. Сверхъ того, можемъ догадываться, что этой пограничной черты надобно искать между Днѣпромъ и Днѣстромъ, именно потому, что лѣтописецъ, повѣствуя о переселеніи Угличей отъ Днѣпра на западъ, вѣроятно, ставилъ мѣстныя названія въ порядкѣ географическомъ, то-есть, сперва поименовалъ ту черту *во*, чрезъ которую перешли Угличи, а потомъ другую—Днѣстръ, до которой они расселились. Наконецъ, если къ этому присовокупимъ еще вѣроятность, что лѣтописецъ, обозначая новое мѣсто жительства Угличей только двумя чертами, употребилъ для этого черты часть *схсі*, отд. 2.

крупныя, наиболѣе извѣстныя, и притомъ однородныя, то не можемъ не остановиться на рѣкѣ Бугѣ, какъ на восточной границѣ страны, въ которую пришли Угличи.

Лѣтописецъ не сказываетъ, что именно заставило Угличей покинуть свои прежнія жилища на нижнемъ Днѣпрѣ, но изъ его послѣдующихъ извѣстій, особенно, если сличить ихъ съ византійскими, сама собою открывается причина, побудившая не только Угличей, но и другихъ черноморскихъ Славянъ перебраться на сѣверъ, къ верховьямъ Днѣстра и Буга. А именно, подъ 6423 (914) годомъ Несторъ сперва упоминаетъ о Печенѣгахъ, которые тогда впервые появились въ Русской землѣ, и заключивъ миръ, (то-есть, договоръ) съ Игоремъ, прошли къ Дунаю, а потомъ говорить о вторичной войнѣ (о первой въ царствованіе Константина упомянуто уже подъ предыдущимъ годомъ) Симеона Болгарскаго съ Греками, которые призвали на помощь Печенѣговъ; когда же послѣдніе явились, между греческими воеводами обнаружился сильныя распри, почему Печенѣги и ушли домой, а Греки были разбиты Болгарами, и Симеонъ взялъ Адрианополь, который (какъ толкуется) первоначально назывался *Орестовъ* градъ, а по возобновленіи Адрианомъ кесаремъ названъ по его имени *Андрѣвъ градъ*. Въ Амартоловой же хроникѣ (Namat. ed. de Muralt, p. 804 et sqq.), эти событія изложены въ такомъ порядкѣ: Когда Симеонъ (въ 914 г.) опять опустошалъ Фракію, Греки обратились къ Печенѣгамъ и въ ихъ собственной странѣ заключили съ ними договоръ, по которому Печенѣги обязались тотчасъ выступить въ походъ и напасть на Болгарію. Въ томъ же году, въ сентябрѣ, индикта 3-го, Симеонъ измѣною взялъ Адрианополь, за который Греки заплатили ему огромный выкупъ. Тогда императрица Зоя, мать малолѣтняго Константина, стоявшая во главѣ правленія, рѣшилась обрушить всѣ силы имперіи на Симеона: заключили миръ съ Аравитянами, перевезли всѣ восточные легіоны въ Европу, и многочислѣннѣйшее войско подъ главнымъ начальствомъ Льва, Фоки двинулось на Болгарію, а флоту приказано было идти въ Дунай, чтобы перевезти Печенѣговъ съ сѣвернаго берега на южный. 20-го августа, индикта 5-го, то-есть, въ 917 году произошла кровавая битва при *Ахелонѣ* (*Ахилалъ* по другимъ извѣстіямъ), гдѣ все греческое войско было разбито до истребленія. Флотъ, вслѣдствіе вражды и соперничества между начальствующими, запоздалъ прибытіемъ въ Дунай, почему и переправа Печенѣговъ замедлилась; они явились послѣ битвы, когда между разбитыми греческими вождями происходили же-

стокія распри, и потому воротились, не оказавъ никакой помощи. А грозный Симеонъ продолжалъ безпрепятственно опустошать имперію и еще разъ, въ 918 году, разбилъ Грековъ почти подъ стѣнами ихъ столицы. Выходить, что этотъ рядъ событій, продолжавшихся въ теченіе 5-ти лѣтъ, переданъ у Нестора въ сжатомъ очеркѣ подъ однимъ 914 годомъ, почему слѣдующіе затѣмъ 4 года и выставлены безъ описанія; а подъ 6428 (919) замѣчено: „Поставленъ Романъ царемъ въ Грецѣхъ; Игорь же воеваше на Печенѣгы“. Ясно, стало быть, что пятилѣтіе съ 914 до 919 года было именно то время, когда Печенѣги, кочевавшіе дотолѣ между Днѣпромъ и Дономъ, овладѣли и западною частію черноморской равнины, между Днѣпромъ и Дунаемъ, истребивъ или вытѣснивъ оттуда сперва Ульцевъ и Тивърцевъ, а потомъ и Угличей, которые ушли на сѣверо-западъ и поселились между верховьемъ южнаго Буга и Днѣстромъ. Тамъ же, безъ сомнѣнія, укрылись и остатки ихъ соплеменниковъ Ульцевъ и Тивърцевъ, ибо тамъ упоминаеть ихъ еще Константинъ Багрянородный. А именно, опредѣляя положеніе страны Печенѣговъ въ половинѣ X вѣка, онъ помѣщаетъ четыре орды Печенѣговъ на востокъ отъ Днѣпра, а другія четыре—на западѣ, между Днѣпромъ и Дунаемъ; въ сѣверу отъ послѣднихъ у него лежитъ Русская земля (Ῥωσία) и живутъ состояція къ ней въ данничьихъ отношеніяхъ племена Славянскія, въ числѣ которыхъ, между прочими, поименованы: Ульцы (Ὀυλίνοι) передъ Древланами, и *Тивърцы* (подъ искаженіемъ *те Βερβιάνοι*) передъ Дреговичами. Имя же Угличей, какъ вѣтви Ульцевъ, уже не встрѣчается въ ихъ новыхъ жилищахъ.

Все это весьма естественно и совершенно сообразно какъ съ ходомъ событій историческихъ, такъ и съ духомъ и буквою сказанія. Но какимъ же образомъ имя *Бузь* превратилось въ *во* во всѣхъ нашихъ спискахъ? Понять не трудно: при томъ сходствѣ, какое имѣютъ между собою весьма многія славянскія буквы по начертанію, какъ напримѣръ: б, в и к; а и л; г и т; и, н и п, и проч., нѣтъ ничего легче, какъ принять одну букву за другую, на нее похожую; слѣдовательно и въ имени Бугъ буква б могла показаться переписчику или составителю древняго сборника за в. Такія ошибки, особенно въ собственныхъ именахъ, о правильности которыхъ нельзя судить по смыслу рѣчи, весьма нерѣдки въ нашихъ спискахъ. Оупущеніе же буквы г или окончанія гъ въ имени *Вугъ* легко объясняется подобнымъ же опущеніемъ окончанія словъ во многихъ другихъ мѣстахъ нашихъ лѣтописей, чему причиною было обыкновеніе

старинныхъ писцовъ сокращать слова посредствомъ употребленія не только титлъ, но и надстрочныхъ буквъ и разныхъ знаковъ. Писали напримѣръ: гра^ъ, и^рл^авшн^т, всѣ^а лю^дмъ, мо^е, мн^о, нача, писахъ, придохъ, ради, страны) и проч. ¹⁾.

Вообще, почти всѣ согласныя, особенно же г, д, ж, з, л, н, р, с, т, х, ч, выставлялись надъ строкою, мелкимъ шрифтомъ, въ родѣ титлъ, и часто вовсе не походили на обыкновенныя буквы, а вмѣстѣ съ тѣмъ еще и гласная, иногда предшествующая выставленной наверху согласной, чаще же слѣдующая за нею, выпускалась или подразумѣвалась, и такимъ образомъ сокращался цѣлый слогъ. Посему угадать значеніе такихъ сокращеній можно было только по смыслу, но это было не легко, какъ потому, что писали сплошь, безъ промежутковъ между словами, такъ и потому, что употребленіе надстрочныхъ сокращеній не было опредѣлено правилами, а зависѣло отъ произвола и прихоти писцовъ.

Судя по многимъ мѣстамъ, совершенно одинаково испорченнымъ во всѣхъ нашихъ спискахъ, можно съ вѣроятностію полагать, что подобныя сокращенія употреблялись не только въ утраченныхъ оригиналахъ нашихъ списковъ, но и въ самой подлинной рукописи Нестора. И они-то, какъ видно, всего болѣе затрудняли послѣдующихъ переписчиковъ, которые или по неразборчивости своего оригинала, или по собственной неосмотрительности весьма часто пропускали ихъ или читали невѣрно, и такимъ образомъ затемняли и искажали сказанія. Такихъ искаженій, очевидно, порожденныхъ пропусками или невѣрнымъ чтеніемъ надстрочныхъ буквъ, можно указать весьма много въ Полномъ Собраніи Лѣтописей. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

Въ Несторовой выпискѣ изъ хроники Амартола о нравахъ разныхъ народовъ по Др. спискамъ (стр. 6) читаемъ: „никакоя же злобы творяще страха ради многа. Ибо явѣ таче прилежащимъ къ нимъ Индомъ“... Въ спискахъ же *Сф.*, *Ср. ПН.* и *Тв.* это мѣсто читается такъ: „страха ради многа ни злобы творяще никоея же. Ибо друзи близъ тѣхъ

¹⁾ Эти и другія подобныя сокращенія попадаются въ спискахъ съ разныхъ почерковъ, приложенныхъ къ «Полн. Собр. Лѣт.»; но ихъ можно найти еще больше въ «Повѣсти временныхъ лѣтъ», изданной посредствомъ свѣтопечати, по спискамъ Лаврентьевскому и Ипатскому. Много такихъ сокращеній и въ печатныхъ: Супрасльской рукописи и Лѣтописцѣ Переислава Суздальскаго, названныхъ «граеически» кн. *Оболенскимъ*.

суть Инди инымъ законамъ"... и т. д. Видно, что и въ родона-
чальникѣ этихъ позднѣйшихъ списковъ также стояло „ибо явѣ“, ко-
торое переписчики старались осмыслить, какъ умѣли, удержавъ одна-
ко мнимую винословную частицу *ибо*, не извѣстную Нестору и не
имѣющую здѣсь никакого смысла. Что же значить это „ибо явѣ“?
Покойный Бередниковъ замѣтилъ только, что „явѣ“ *нѣтъ въ Р. Т^а*.
Но странно, что онъ, для восстановления истиннаго чтенія этого мѣ-
ста, не воспользовался тѣми средствами, которыя имѣлъ подъ рукой,
и на которыя самъ же указалъ, помѣстивъ при Полн. Собр. Лѣтоп.,
томъ I, въ „Приложеніи“, отрывки изъ двухъ старинныхъ переводовъ
Амартоловой хроникѣ по нѣсколькимъ древнимъ рукописямъ. Въ
этомъ „Приложеніи“ на стр. 241 слова, соотвѣтствующія вышепри-
веденному мѣсту изъ списковъ Нестора, читаются въ 1-мъ столбцѣ
такъ:.... „или всаку злобу творити, многого ради страха Божия и
вѣры. И окрестъ тѣхъ живущемъ Идѣномъ“, что вполне соглас-
но съ греческимъ текстомъ Георгія Амартола, по изданію г. Му-
ральта ¹⁾. Во 2-мъ же столбцѣ слова эти читаются нѣсколько ина-
че: „никоя же злобы творяще, страха многого ради и Божія вѣры.
Таче прилежащимъ къ нимъ Индомъ“.... Ясно при первомъ взгля-
дѣ, что этотъ послѣдній переводъ и слова Несторовой выписки по
Древнимъ спискамъ совершенно одно и то же, и что бессмысленное
„ибо явѣ“ нашихъ списковъ должно быть, слѣдовательно, отдѣлено
точкою отъ „таче“; потому что оно представляетъ очевидный оста-
токъ принадлежавшаго къ предыдущему предложенію выраженія «и
Божія вѣры», которое, быть можетъ, уже въ самомъ подлинникѣ
Нестора было написано сокращенно: и̇ во^{та} вѣр^м, и котораго над-
строчныя буквы или стерлись отъ времени, или были пропущены по
неосмотрительности древняго переписчика. Догадайся только Беред-
никовъ сличить эти слова Нестора съ соотвѣтствующими имъ въ
древне-болгарскомъ переводѣ Амартола, и онъ имѣлъ бы въ рукахъ
ключъ для объясненія и исправленія весьма многихъ подобнаго же
рода искаженій въ нашихъ спискахъ.

Въ той же Несторовой выпискѣ изъ Амартола объ „Амазонянахъ“
по спискамъ *Др.* (стр. 7) читаемъ въ текстѣ: „и сочтаются съ ок-
рестными мужи“, а въ выноскѣ ж: „и съчитаются (и сочтаются)

¹⁾ См. Уч. Зап. И. Акад. Наукъ, кн. 6, стр. 27:.... ἡ παντοίαν κακίαν δια-
πράττεσται, διὰ πῶλον φόβον Θεοῦ καὶ πίστεν. Καὶ τοῦτε τῶν παρακειμένων αὐτοῖς....
(въ текстѣ Ἰνδῶν недостаетъ, но встрѣчается въ вариантахъ).

съ окрестныхъ ибо мужи *Л* и *съ друмихъ сп.* Это указаніе Берединова: „*Л* и *съ друмихъ сп.*“ должно значить: во всѣхъ *Др.* спискахъ; но если въ нихъ во всѣхъ читается такъ (впрочемъ Тимковскій по *Лер. сп.* читалъ „и въ мужи“ вмѣсто *ибо мужи*), то слѣдовало указать, на какомъ основаніи сдѣлано исправленіе въ текстѣ. Точно также, какъ въ *Др.*, читается эта фраза и въ текстахъ *Ср.* и *ПН.*, въ выноскахъ же замѣчено, что передъ *мужи* во всѣхъ спискахъ стоитъ „ибо“; а въ текстѣ *Ср.*—напечатано: „и сочетаются съ окрестными бо мужи“; такъ и въ текстѣ *Тв.*, а въ выноскѣ замѣчено, что въ подлинникѣ вмѣсто *бо* стоитъ *ибо*. Конечно, по логическому смыслу, *ибо* здѣсь лишнее, фраза безъ него совершенно ясна и правильна; но почему же всѣ переписчики съ такимъ упорствомъ удерживаютъ здѣсь это непонятное для насъ, и конечно, для нихъ также—*ибо*, или *бо*, и *съ*? Рѣшить не трудно. Стоитъ только взглянуть, какъ написана эта фраза въ отрывкѣ изъ древняго перевода Амартоловой хроникки, помѣщенномъ въ „Приложеніи“ къ I тому Полн. Собр. Лѣтоп. Тамъ на стр. 242, во 2-мъ столбцѣ, читаемъ: „и съчѣтаются съ окрестными ихъ мужи“, а изъ выноски узнаемъ, что въ спискѣ К. (Кирилло-Бѣлозерск.), вмѣсто *ихъ* прочіихъ списковъ, стоитъ *имъ*. Стало быть, непонятное *ибо* въ спискахъ Нестора произошло изъ мѣстоим. *имъ*, написаннаго въ древней рукописи сокращенно и. Можно подозрѣвать, что и въ слѣдующемъ мѣствѣ (*Др.*, 4): „полянѣмъ же живущемъ о собѣ и володѣющимъ и роды своими“—буква *и* передъ *роды* уцѣлѣвшая только въ *Лер. сп.*, также представляетъ остатокъ мѣстоименія и^а (имъ), утратившаго свое надстрочіе, а въ прочіихъ спискахъ совершенно исчезнувшаго. Относительное мѣстоименіе *имже* также подвергалось сокращенію, и вслѣдствіе утраты надстрочнаго *ж*, обращалось какъ бы въ союзъ *и*, который потому въ нашихъ спискахъ стоитъ иногда не встати, какъ напримѣръ, и въ нашемъ сказаніи (см. въ началѣ статьи): „И бѣ у него воевода именовъ Свентелдъ, и (должно быть *имже*) премучи Углеци“... ¹⁾.

¹⁾ Но чтѣ значитъ *ибо* (*Др.* 95) въ изображеніи: «Ибо лукавіи сынове Израилеве погнаху» и т. д.? Трудно признать въ немъ вынословную частицу *ибо*, какъ потому, что эта частица у Нестора—по крайней мѣрѣ въ *Др.* спискахъ—нигдѣ въ другихъ мѣстахъ не встрѣчается, такъ и потому, что она была бы здѣсь не совсемъ кетати по смыслу. Варианты жъ этого *ибо*—въ *Лер.*: «идѣ», въ *ПН.*: «вдоша же»—вовсе бессмысленны. Судя по контексту, здѣсь должно бы, кажется, быть: *они бо*, или: *они дѣ*. Не употреблялось ли, можетъ быть, еще въ XI—XII вв. и, какъ древнѣйшая форма имен. пад. ед. ч. муж. р. отъ личнаго

Тимковскій (см. его „Несторъ“, стр. 43) читалъ по *Дер.* списку: „и што бысть мю ими ненависть, Ярополку на Ольга.“ Изъ сличенія этого мѣста съ чтеніемъ прочихъ списковъ опять ясно, что „и што (но то, на то *ПН*) произошло изъ ното (и о томъ), а „мю“ — изъ м^ю (межу, т. е. между), вслѣдствіе пропуска надстрочныхъ буквъ. Первая описка указана въ Полн. Собр. Лѣтоп. (т. I, стр. 31) въ выноскѣ, а вторая, исправленная въ текстѣ, какъ и у Тимковскаго, оставлена безъ замѣчанія.

Въ сказаніи о перенесеніи мощей Θεодосія (*Др.*, 90) лѣтописецъ говоритъ о себѣ, какъ главномъ дѣйствователѣ: „еже скажу, не слухомъ бо слышавъ, но самъ о семь начальникъ“ (о себѣ начальникъ *Ип.*, о себѣ начальникъ быхъ *Хл.*). Сличая эти разнословія, нельзя не убѣдиться, что они произошли, опять-таки вслѣдствіе пропуска надстрочныхъ буквъ, изъ слѣдующаго первоначальнаго начертанія: <о се^а бѣ^х начальникъ> (о семь бѣхъ начальникъ).

Искаженія собственныхъ именъ, очевидно, произшедшія отъ пропуска или невѣрнаго чтенія надстрочныхъ буквъ, также перѣдки въ нашихъ спискахъ. Такъ: „сведѣ“ *Хл.* „свидѣ“ *Нс.* вышли изъ свѣ^адѣ (свенедѣ); — „нифовъ“ *Дер.* (*Др.* стр. 23) вышло изъ ни^аф^овѣ (Никифоровъ); — „фика“ *Рдз.* (*Др.* стр. 1) — изъ фи^ака (финикія); „пепонисъ“ *Ср.* (т. VII, стр. 261) — изъ пе^апонисъ (пелопонисъ); „фрикию“ *Ср.* (тамъ же) — изъ фри^аю (фригію); „въ поляхъ“ *Др.* (стр. 5) — изъ вола^ахъ (въ полянѣхъ); „въ Деревляхъ“ (тамъ же) — изъ вдерѣ^ахъ (въ Деревлянѣхъ); „полями“ (тамъ же стр. 12) — изъ пола^ами (полями).

Можно полагать, что эти и подобныя имъ пародныя имена кончающіяся на *апе*, *яне* *сме* писались сокращенно не только въ косвенныхъ падежахъ, но также и въ именит., то-есть, поля^а, деревля^а, словѣ и проч. И вѣроятно, въ нашихъ рукописяхъ можно встрѣтить такія сокращенія, которыя также порождали описки и искаженія въ нѣкоторыхъ спискахъ. Такъ „деревля“ (*Др.*, стр. 3, вар. п.), вмѣсто

мѣстоименія 3-го лица вмѣсто *они*? Если же такое употребленіе не можетъ быть подтверждено другими письменными памятниками того времени, то здѣсь вмѣсто *ибо* или *идѣ* можно читать *ти бо*, *ти дѣ*, или *си бо*, *си дѣ*. Можетъ быть, этою ерзавою древній писецъ началъ новую или красную строку, первую литеру которой, *т* или *с*, онъ намѣренъ былъ написать послѣ киноварью, но позабылъ, и такимъ образомъ оставшееся *и бо* или *и дѣ* повторилось и у всѣхъ послѣдующихъ переписчиковъ.

Деревяне, безъ сомнѣнія, произошло изъ *дерева*^ѣ, вслѣдствіе пропуска надстрочнаго *н*. Той же причинѣ, по всей вѣроятности, обязаны своимъ происхожденіемъ и формы *сѣверъ*, *сѣвера*, *сѣверо*, *сѣверѣ*, встрѣчающіяся въ перемежку съ формою *Сѣверяне* не только въ разныхъ спискахъ, но и въ разныхъ мѣстахъ одного и того же списка. Нѣтъ, по крайней мѣрѣ, никакого основанія полагать, чтобы Несторъ употреблялъ для одного и того же, хорошо ему извѣстнаго имени, столь различныя формы, и притомъ совершенно чуждыя народнымъ именамъ славянскимъ. Для сбереженія дорогаго писчаго матеріала, онъ, вѣроятно, писалъ это четырехсложное имя, такъ сказать, въ два яруса, подобно тому, какъ, очевидно, написано было *вѣ*^{рм} (см. выше), и какъ въ нашихъ спискахъ написаны *стра*^м, *ра*^м и многія другія слова, то-есть, выставлялъ окончаніе *яне* мелкимъ шрифтомъ надъ его корнемъ, или можетъ быть, даже сокращалъ это имя посредствомъ надстрочнаго *н*: *сѣвер*^ѣ. Такое письмо для всѣхъ грамотныхъ его современниковъ (объ отдаленныхъ же потомкахъ онъ, вѣроятно, и не думалъ) было, конечно, понятно и могло быть также понятно и для его первыхъ продолжателей, которые, списывая его сказанія, удерживали и употребленные имъ сокращенія. Когда же время изгладило изъ рукописей мелкія надстрочныя буквы, тогда позднѣйшіе писцы и составители нашихъ лѣтописныхъ сборниковъ, находя въ своихъ оригиналахъ одинъ только корень этого народнаго имени—*сѣвер*, должны были, разумѣется, придумывать свои окончанія, и такимъ образомъ, одинъ ставилъ *ѣ*, другой *а*, третій *о*, четвертый *и*, вмѣсто исчезнувшаго *яне*. Безъ сомнѣнія, и имя *Мороване* написано было у Нестора сокращенно: *морав*^ѣ, и потому получило въ нашихъ спискахъ, вслѣдствіе пропуска надстрочнаго *н*, несвойственную славянскимъ народнымъ именамъ форму ед. ч. женск. р. *Морава*, чему способствовало, можетъ быть, и то, что это имя у Нестора въ одномъ мѣстѣ (*Др.*, стр. 3) является рядомъ съ именемъ рѣки *Морава*, а въ другихъ (тамъ же, стр. 11, 12) съ именемъ страны въ двойств. числѣ *Моравь*, *Моравь* ¹⁾.

¹⁾ Ни *Морава*, ни *Сѣверъ*, *Сѣвера*, *Сѣверо* не имѣютъ между славянскими народными именами ни одного себѣ подобнаго по формѣ. Имя *Сусола*, которое Шварцъ, въ статьѣ *Prehled p̄rodních gmenazyku Slowanském* (Сазор. Сеск. Муз., годъ 1835, стр. 377), ставитъ рядомъ съ *Морава*, какъ славянское, на самомъ дѣлѣ никогда не существовало. Говоря о *Сусолѣ* (Слав. Др., т. II, кн. 1-я, стр. 185), Шварцъ цитуетъ сказаніе Никоновской лѣтописи подъ 1059 го-

Возвращаясь теперь къ нашей задачѣ, то-есть, къ искаженію *eo*, стоящему въ разбираемомъ нами сказаніи вмѣсто *Буъ*, мы можемъ, на основаніи приведенныхъ примѣровъ, съ полною увѣренностію

домъ; но въ этомъ сказаніи, какъ по *Ник.*, такъ и по другимъ нашимъ лѣтописямъ, говорится о походѣ Івъслава не на *Вусолу*, а «на Сьсолы (на Соолы—на Сосолю)», и о битвѣ съ ними Новгородцевъ и Псковичей, въ которой «паде Русь 1000, а Сьсолъ (Соолъ—Сосолъ) безъ числа» (Полн. Собр. Л., IX, стр. 92; ср. также т. IV, 176; V, 140, и VII, 333). Значитъ, Шафарикъ принялъ имя множ. ч. муж. р. Сьсолы за имя ед. ч. ж. р. Сусола, и призналъ этотъ народъ—вѣроятно, отрасль восточной Чуди—славянскимъ, основываясь на одномъ только совуачіи его имени съ именемъ какихъ-то западныхъ Славянъ, упомянутыхъ гдѣ-то въ Германіи.

Кстати замѣтимъ еще, что и мимо славянская форма *Серьбъ*, *Сербъ*, на которую, какъ сходную съ формою *Русь*, опираются поборники славинства Руса, въ дѣйствительности оказывается только искаженіемъ правильной Несторовой формы «сърьби» или «сербь». Имя это въ нашихъ спискахъ встрѣчается только однажды (*Др.*, стр. 3): «а ее тже Словѣни: Хорвате Бѣли, и Серьбъ и Хорутане»; варианты его: серьбъ *Ргв. Трч. Сф. Ср.*, серьбъ *Ип.*, серби, сарби, сербѣи *Хл. ПС. ПН.* Значитъ, оно въ нѣкоторыхъ спискахъ уцѣлело еще и съ правильнымъ окончаніемъ *и*, которое въ другихъ превратилось въ *ъ*, очевидно, по милости слѣдующаго за нимъ союза *и*. Мы видимъ, что въ нашихъ спискахъ весьма часто, при стеченіи двухъ *и*, одно изъ нихъ или выпадаетъ, или замѣняется *ъ*-мъ. Вотъ нѣкоторые примѣры, въ которыхъ явно пропущенное *и*, или замѣняющее его *ъ* означены здѣсь курсивомъ, 1) *Др.* стр. 2: Лаховое же, и Пруси и Чудъ, а въ *Сф.* и *Ср.*... «и Прусь и Чюдъ»; 2) *Др.* стр. 3: «сѣдоши по Деснѣ, и по Семи и по Сулѣ», а въ *Сф. Ср. ПН. Тв.*... «и по Семъ и по Сулѣ»; 3) *Др.* 5: «отъ нихъ же Кривичи, иже»... Здѣсь *и* въ «иже» пропущено только въ *Лер.*—«при Иракліи царя», только въ *Лер.* и *Ип.* нѣтъ начальнаго *и*;—«и живаху въ миръ... и Радимичъ и Витичи», здѣсь *ъ* вмѣсто *и* только въ *Лер.*—«а Улучи и Тверьци сѣдаху»... Здѣсь въ прочихъ спискахъ, кромѣ *Др.*, есть союзъ *и*; 4) *Др.* 7: «быша обидимы Древляни и нѣими околними»... союзъ *и* пропущенъ только въ *Др.* спискахъ. Не въ правѣ ли мы заключить отсюда, что и въ «сербь» окончаніе *и* превратилось въ *ъ* подъ перомъ переписчиковъ, по той же самой причинѣ, по которой изъ *яруси* вышло *ярусъ* изъ *радимичи*—*родимичъ*? Впрочемъ, можетъ быть, что и первоначально въ этихъ и многихъ другихъ подобныхъ мѣстахъ стояло не два, а только одно *и*, и надъ нимъ какая-нибудь кавычка, означавшая, что это *и* должно удвоить въ произношеніи; позднѣйшіе же писцы, не цѣняя значенія такой кавычки, или пропускали ее, или принимали за знакъ *ъ*-ря. Известно, что кавычки, кагора, надстрочная точка и другіе знаки нѣвѣтъ въ разныхъ древнихъ рукописяхъ различнаго значенія (см. «Граммат. Церк.-Слав. языка», *Востокова*); по сему можно полагать, что и въ подлинной рукописи Нестора также были какіе-нибудь свои особые знаки надстрочные, которыхъ значеніе не вездѣ было понятно послѣдующимъ переписчикамъ.

сказать, что надстрочное Г, стоявшее вмѣсто окончанія ГЪ въ имени Бугъ, исчезло изъ нашихъ списковъ подобно множеству другихъ надстрочій, и что буква в замѣнила сходную съ нею по начертанію в. Но въ такомъ случаѣ имя это должно было бы обратиться въ вѪ, ву, или въ воу; отъ чего же въ спискахъ только во? Отъ того, что въ подлинникѣ Нестора было написано во, т. е. Богъ. Южный Бугъ, греческій Гипанисъ, дѣйствительно назывался еще въ XII вѣкѣ *Богъ рѣка*, и это названіе, нѣсколько разъ встрѣчающееся въ нашихъ лѣтописяхъ, чрезвычайно затрудняло позднѣйшихъ переписчиковъ и даже издателей.

Вотъ доказательства:

1) Владимиръ Мономахъ, перечисляя свои походы, говоритъ въ „Поученіи“ (Полн. Собр. Лѣт., I, 104): „и на боѡ вдохомъ съ Святополкомъ на Боняка за Рось“. Самое направленіе похода за рѣку Рось, на юго-западъ отъ Кіева, противъ Половецкаго хана, ясно указываетъ, что *Боѡ* означаетъ здѣсь *Южный Бугъ*. Но Берединовъ, какъ видно, не зналъ этого имени, которое, вѣроятно, считалъ искаженіемъ, и потому поставилъ въ текстѣ курсивомъ *на боѡ*.

2) Въ Лаврентьевской лѣтописи, подъ 1171 годомъ (Полн. Собр. Лѣт., I, 155), въ извѣстіи о пораженіи Половцевъ княземъ Михаиломъ Юрьевичемъ, говорится по спискамъ *Лер.* и *Рдз.*: „Михалка же иде борзо по нихъ и сгони ихъ за рѣкою Богомъ“, а по *ст. Три.* „*Буюмъ*“. Это послѣднее чтеніе Берединовъ поставилъ въ текстѣ. Въ другихъ лѣтописяхъ: *Ин.* (но только подъ 1173 г.) *Воскр. Тверск.* и *Львовск.*—также „*Бугомъ*“, въ Патріаршей лѣтописи: „за Вугою рѣкою“, а въ *II-Суд.* „за рѣкою БѢомъ“.

3) Въ *Воскр.* лѣтописи подъ 1184 г. (Полн. Собр. Лѣтоп. VII, 98), въ извѣстіи о походѣ Святослава Всеволодовича и южно-русскихъ князей на Половцевъ, говорится, что князья собравшись двинулись всѣ вмѣстѣ въ походъ „и перешедше Богъ (*такъ въ Архивск. ст., а въ другихъ:* босъ, босе) рѣку, искаша ихъ 5 днѣй“. Ни одного изъ этихъ названій рѣки Берединовъ не оставилъ въ текстѣ, а помѣстилъ ихъ въ выноскѣ, какъ искаженія. Въ другихъ лѣтописяхъ, въ которыхъ это сказаніе передано почти тѣми же словами, какъ въ *Воскр.*, вмѣсто „Богъ“ читаемъ: Бугъ—*въ Ник., Уголь—въ Лавр. и II-Суд.*, Угль—*въ Тв. и Льв.* Татищевъ (III, 255) также говоритъ здѣсь о переходѣ черезъ „рѣку Угль“.

Понятно, что *Боѡ*—имя южнаго Буга, одинаковое съ названіемъ

Творца Вселенной, тѣмъ самымъ должно было ставить въ рѣшительное недоумѣніе позднѣйшихъ переписчиковъ, которые потому или пропускали его, или искажали, каждый по своему. Вотъ почему, безъ сомнѣнія, и въ начальныхъ сказаніяхъ Нестора, въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о жилищахъ Ульцевъ и Тивърцевъ (см. въ началѣ этой статьи), дважды повторенное въ подлинникѣ „по Богу“ исчезло совершенно подъ перомъ переписчиковъ изъ большинства нашихъ списковъ и только въ *Пл. Рдз* и *Трц.* замѣнено соответствующимъ ему позднѣйшимъ „по Бугу“. Татищевъ утверждаетъ, что *Богъ* и *Бугъ* были въ старину два различныхъ названія, то-есть, что первое означало Южный Бугъ, а второе Западный; онъ даже указываетъ (т. II, прим. 25), какъ на ошибку, что Стрѣлковскій, „вмѣсто рѣки Бога, Бугъ именовалъ“. Но едва-ли на самомъ дѣлѣ существовало когда-либо такое различіе. По крайней мѣрѣ, Шлецеръ (*Nest., Th. II, 121*) нашелъ еще въ какомъ-то изъ бывшихъ у него списковъ, что Дульбы „живяху по Богу“, вмѣсто *по Бугу* прочихъ списковъ. Да и по самымъ именамъ городовъ: *Межибожье* и *Божскъ*, *Божскый*, вмѣсто *Бужскъ*, нельзя не заключить, что и въ имени Западнаго Буга также слышалось иногда *о*, вмѣсто *у*, и что та и другая гласная безъ различія замѣняла въ русскомъ языкѣ славянскую носовую гласную ѡ, которая несомнѣнно существовала въ имени *Бугъ* (ѡгъ), равно какъ и въ имени рѣки и мѣстности *Уюль* (ѡгъль), и которая у племенъ, не имѣвшихъ носовыхъ звуковъ, или утратившихъ ихъ, произносилась различно: *an, on, un, in*. Отъ того Южный Бугъ у географа анонима Равенскаго—*Bangis*, а въ „Книгѣ Большому чертежу“, вмѣсто явной описки или опечатки *Бокъ*, должно быть *Бонъ*. Отъ того и нынѣшній Ингулецъ имѣетъ въ той же книгѣ еще и другую форму: *Ангулецъ*, а лѣтописный *Уюль* (рѣка) нынѣ Ингуль. Отъ того же, наконецъ, и мѣстность ѡгъль, татарскій *Буджакъ*, у Византійцевъ—*’Ογγλος, ’Ουγλος*, лат. *Oglus, Onclus*.

И такъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ подлинникѣ Нестора было сказано: „И бѣша сѣдяще Угльци (во время борьбы съ Свенгелдомъ) по Днѣпру внизъ, и посемъ (то-есть, послѣ взятія Пересѣчена) придоша межи Богъ и Днѣстръ и сѣдоша тамо“¹⁾.

¹⁾ Изъ рецензій нашего сочиненія, представленнаго въ 1869 году на конкурсѣ наградъ графа Уварова, мы съ удовольствіемъ узнали, что въ одной изъ нашихъ лѣтописей, именно въ Новгородской, приготовляемой къ печати Археологическою Комиссіей, уцѣлѣло еще правильное чтеніе «межи Богъ и Днѣстръ»

То-есть, они поселились между верхнимъ теченіемъ Южнаго Буга и Днѣстромъ, въ нынѣшней Каменецъ-Подольской губерніи.

Другое темное выраженіе, находящееся въ концѣ разсматриваемаго нами сказанія объ Угличахъ, не представляетъ, ничего особенно-важнаго. Это не болѣе, какъ общая фраза, которою лѣтописецъ общается сказать о чемъ-то.

Въ спл. *Сф.* и *Ср.* она читается такъ: „По семь же скажемъ приключшихся (=по прикл. *Сф.* въ вариантахъ) лѣтѣхъ сихъ“; списки же *ПН. ПШ.* передаютъ ее совсѣмъ иначе: первые: „По семь послѣди скажемъ“, а второй: „и о семь послѣ скажемъ“. Очевидно, что это только гадательное, произвольное толкованіе общей мысли, будто бы заключающейся въ темной фразѣ списковъ *Сф.* и *Ср.* Признавъ это толкованіе правильнымъ выраженіемъ Нестора, Шлецеръ (*Nest. Th. III, S. 5*) полагаетъ, что лѣтописецъ, коснувшись выше неудовольствія княжеской дружины, говорившей: „се далъ еси единому мужу много“, выразилъ затѣмъ обѣщаніе разказать послѣ, въ своемъ мѣстѣ, о подобномъ же неудовольствіи, обнаружившемся изъ за того же Свенгелда въ концѣ княженія Игоря, и увлечемъ этого князя въ несчастный древлянскій походъ, стоившій ему жизни. Но самый порядокъ изложенія событій подъ 913 годомъ довольно ясно указываетъ, что Несторъ вовсе не думалъ здѣсь ни о какомъ намегѣ на послѣднюю судьбу Игоря, а выразилъ мысль совершенно естественную и необходимую для связи повѣствованія. Мы видимъ, что подъ этимъ годомъ говорится: 1) о покореніи отложившихся Древланъ, 2) о войнѣ съ Угличами, продолжавшейся, по крайней мѣрѣ, три года, если не больше, и слѣдовательно, оконченной, вѣроятно, не ранѣе 916 года, 3) о переселеніи Угличей въ страну „межи Богъ и Днѣстръ“, 4) о награжденіи Свенгелда древлянскою данью и о послѣдовавшемъ отъ того неудовольствіи дружины. Затѣмъ слѣдуетъ, наконецъ, наша непонятная фраза, а за нею: „Въ то же лѣто, (то-есть, въ 913 г.) приде Симеонъ“... и т. д. Отсюда ясно, что лѣтописецъ соединилъ подъ 913 г. рядъ событій, продолжавшихся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, можетъ быть, до самаго 919 года. Такимъ

(см. Отчетъ о 14-мъ присужденіи наградъ графа Уварова, стр. 95), которое мы восстанавливаемъ посредствомъ логическихъ соображеній. Этимъ вполне подтверждается вѣрность нашихъ догадокъ и соображеній, а вѣсть съ тѣмъ и возможность восстановить подлинный текстъ лѣтописи Нестора, въ чемъ доселѣ многіе сомнѣваются.

образомъ, увлеченный внутреннею связью этихъ событій, онъ отступилъ отъ своего обычнаго погоднаго повѣствованія и пропустилъ другія событія, современныя описаннымъ, но не связанныя съ ними внутренно, каковы, война и миръ Симеона съ Греками въ 913 году, первое появленіе Печенѣговъ на предѣлахъ Руси и новая война Симеона съ Греками, призвавшими на него Печенѣговъ, и проч. въ 914 г. Посему, чтобъ описать также и эти событія, лѣтописцу необходимо было, по окончаніи разказа о войнѣ съ Угличами и ея послѣдствіяхъ, возвратиться опять въ 913 году. И вотъ этотъ-то переходъ именно и выразилъ онъ общою, такъ сказать, заглавною или вступительною фразою: „По семъ же скажемъ *и* о приключившихся *съ* лѣтѣхъ сихъ“, то-есть, послѣ сего, послѣ вышесказаннаго, разкажемъ также и о другихъ событіяхъ, приключившихся въ сіи годы, въ продолженіе которыхъ шли дѣла съ Угличами. Искаженіе этой фразы, вѣроятно, произошло первоначально отъ совершенно естественной и невинной ошибки писца, припявшаго букву И за П, то-есть, написавшаго *по приключившихся*, вмѣсто *и о прикл...* Эта ошибка, затемнившая смыслъ, могла вызвать у послѣдующихъ писцовъ или компиляторовъ желаніе выразиться яснѣе, почему они и выбросили сперва изъ „въ лѣтѣхъ сихъ“ предлогъ *съ*, показавшійся лишнимъ, а потомъ и произшедшій изъ *и* и *о* предлогъ *по*, который, впрочемъ, уцѣлѣлъ еще, по крайней мѣрѣ, въ двухъ изъ Софійскихъ списковъ.

И такъ, изъ трехъ отдѣльныхъ сказаній, помѣщенныхъ подъ 913 годомъ и безспорно принадлежащихъ Нестору, только первое: „Иде Игорь на Древляны и, побѣдивъ, взложи на ня дань болшую Ольговы“ сохранилось во всѣхъ спискахъ, какъ древнихъ, такъ и позднѣйшихъ; второе же, о Свенгелдѣ и Угличахъ, вмѣстѣ съ фразою: „посемъ же скажемъ *и* о приключившихся въ лѣтѣхъ сихъ“, уцѣлѣло въ однихъ только спискахъ позднѣйшей редакціи, а послѣднее: „Въ то же лѣто приде Семеонъ Болгарскый на Царь градъ, и створивъ миръ, иде въ свояси“, пропущенное въ позднѣйшихъ, сохранилось въ древнихъ спискахъ.

Н. Ламбинъ.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ ССѢ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскими и Марининскими мостами, д. № 90—1.

1879.

PRINTED IN RUSSIA

СОДЕРЖАНІЕ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ВСЕПОДАДАННѢЙШАГО ОТЧЕТА Г. МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ЗА 1877 ГОДЪ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Отголоски финскаго эпоса въ русскомъ Воев. Миллера.

Славяне на сѣверномъ Черноморьи Н. Ламбина.

Насильственное похищеніе чужой движимой собственности по русскому праву. Дм. Тальверга.

Бритическія и библиографическія замѣтки:

Грамматика монголо-бурятскаго разговорнаго языка, составленная протоіереемъ А. Орловымъ, преподавателемъ монгольскаго языка въ Иркутской духовной семинаріи. Изданіе православнаго миссіонерскаго общества. А. Позднѣева.

Южное Славянство, Турція и соперничество европейскихъ правительствъ на Балканскомъ полуостровѣ. Л. Добрава В. Качановскаго.

Wilhelm Wollner. Untersuchungen über die Volkssepik der Grossrussen. (В. Волльнеръ. Исслѣдованія о народномъ эпосѣ Великоруссовъ). П. Морозова.

Oeuvres de Ghilbert de Lannoy, voyageur, diplomate et moraliste. Récueillies et publiées par Ch. H. Potvin, avec des notes géographiques et une carte, par J. C. Hommae. (Сочиненія Гильберта де-Ланнуа, путешественника, дипломата и моралиста. Собраны и изданы К. Потесномъ, съ приложеніемъ географическихъ замѣчаній и карты, составленныхъ И. С. Гузо. Л. Н. Майкова.

Замѣтка о преподаваніи русскаго языка въ приготовительныхъ классахъ гимназій прогимназій А. Страхова.

Наша учебная литература.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты, б) низшія училища.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обертки).

СЛАВЯНЕ НА СЪВЕРНОМЪ ЧЕРНОМОРЬИ ¹⁾.

III. Извѣстія средневѣковыхъ греко-латинскихъ писателей о Черноморскихъ Славянахъ, и другихъ древнѣйшихъ Славянскихъ народахъ въ восточной Европѣ.

Мы разсмотрѣли извѣстія нашей лѣтописи о Черноморскихъ Славянахъ. Возстановивъ правильное чтеніе искаженныхъ выраженій списковъ нашей лѣтописи и разобравъ всѣ толки и мнѣнія о мѣстахъ жительства и именахъ этихъ народовъ, мы рѣшили такимъ образомъ нашу задачу, и статья наша окончена по отношенію къ извѣстіямъ нашей лѣтописи; но въ этихъ извѣстіяхъ передается только послѣдняя эпоха жизни Черноморскихъ Славянъ—во второй половинѣ IX и въ началѣ X вѣка, когда они, покоренные Русью при Олегѣ, утратили свою самостоятельность и вскорѣ потомъ были или истреблены, или вытѣснены изъ своихъ древнихъ жилищъ Печенѣгами, и только слабые остатки ихъ, спасшись на сѣверѣ, при верховьяхъ Буга и Днѣстра, вошли въ составъ Русскаго государства при Игорѣ. Но извѣстій о судьбѣ этихъ Славянъ въ VIII вѣкѣ и въ предыдущихъ вѣкахъ надобно искать не у нашего лѣтописца, а у средневѣковыхъ греческихъ и латинскихъ писателей, которые указываютъ Славянъ въ разныхъ мѣстахъ подъ различными названіями, уже съ III вѣка по Р. X. и даже раньше.

Иорвандъ, писатель VI вѣка (551 г.) въ своемъ описаніи Скиѣи, передъ приходомъ въ нее Готовъ изъ Скандинавіи, указываетъ въ

¹⁾ Окончаніе. См. Ж. М. Н. Пр. за май и іюнь 1877 года. Замедленіе въ печатаніи этой статьи произошло главнымъ образомъ по причинѣ болѣзни автора ея.

западной части этой страны почти сплошное славянское население, подъ тремя различными названіями, въ трехъ группахъ: 1) Въ странахъ къ сѣверу отъ Карпатовъ, начиная отъ истоковъ рѣки Вислы, на неизмѣримомъ пространствѣ обитаютъ, говоритъ онъ,—Венеды, народъ многочисленный. Венедовъ знаетъ и Тацитъ, еще въ I вѣкѣ по Р. Х. какъ восточныхъ сосѣдей Германіи за рѣкою Вислою, слѣдовательно, въ той же мѣстности, между Финнами на сѣверѣ и Сарматами на востокѣ. Онъ недоумѣваетъ только, куда причислить ихъ, къ Германцамъ ли, или къ Сарматамъ, находя, что они по образу жизни не похожи на Сарматовъ, живущихъ въ повозкахъ и на коняхъ и переходящихъ съ мѣста на мѣсто, тогда какъ Венеды живутъ осѣло, строятъ дома и сражаются пѣшіе, чѣмъ и походитъ болѣе на Германцевъ. 2) Славяне собственно (Sclavini) по Иорнанду занимаютъ пространство отъ города Новодуна и озера Мурзіискаго (a civitate Novietunense et lacu quid dicitur Murzianus), то-есть, отъ впаденія рѣки Дравы въ Дунай, на востокъ до Днѣстра, и на сѣверъ до истоковъ Вислы; болота и лѣса служатъ для нихъ крѣпостями. 3) Анты, храбрѣйшіе изъ Славянъ, живутъ между Днѣстромъ и Днѣпромъ по берегу Чернаго моря и внутрь страны до неизвѣстныхъ предѣловъ на сѣверѣ. Всѣ эти Славянскіе народы, какъ и другіе обитатели Скиѣи и части Германіи, были, по сказанію Иорнанда, покорены Готами, подъ предводительствомъ знаменитаго короля ихъ Эрманриха, окончательно въ IV вѣкѣ; но господство Готовъ въ этихъ краяхъ было непродолжительно; въ концѣ того же IV вѣка оно рушилось подъ ударами Гунновъ: когда Гунны перешли Донъ, то народы, недавно покоренные Готами, одни за другими возстали и присоединились къ новымъ завоевателямъ; тогда 110-лѣтній король Эрманрихъ, видя неизбежную гибель своего государства, самъ лишилъ себя жизни; а по смерти его Остготы признали надъ собою власть царя Гунновъ. Другіе Готы, такъ называемые Визиготы или Вестготы, которые властвовали надъ Славянскими землями къ западу отъ Днѣстра и сѣверу отъ Дуная, послѣ неудачной попытки остановить стремленіе Гунновъ, перешли, съ дозволенія императора Валента, черезъ Дунай и укрылись въ предѣлахъ Восточной имперіи, откуда, послѣ разныхъ приключеній, перешли въ Италію, потомъ въ Галлію, и наконецъ, въ Испанію утвердили свое государство. Славянскіе же народы, какъ природные, исконные обитатели задунайскихъ и прикарпатскихъ странъ, остались на своихъ мѣстахъ, на своей родной почвѣ, перемѣнивъ только властителей Готовъ на Гунновъ.

Но и гуннское господство тоже было непродолжительно. Достигнувъ наибольшаго своего распространенія въ половинѣ V вѣка, при Аттілѣ, оно по смерти его рушилось среди возникшихъ между его сыновьями раздоровъ; пользуясь послѣдними, покоренные Гуннами, Германскіе и Славянскіе народы одни за другими возстановили свою независимость и явились самостоятельными дѣятелями, первые въ западной, а вторые въ восточной Европѣ, гдѣ по Дону и Азовскому морю до половины VI вѣка еще слышно было и имя Гунновъ: раздѣляясь на двѣ враждебныя между собою орды, Утургуровъ и Кутургуровъ, Гуппы держали подъ своею властію обитавшіе тамъ мелкіе народы Тюркскаго и Финскаго племени и тревожили хищническими набѣгами области Восточной имперіи, увлекая съ собою и Славянскія племена съ Дуная; но въ половинѣ VI вѣка, покоренные вторгнувшимися изъ Азіи Аварами, они смѣшались съ ними и утратили самое имя свое. Авары или Обры нашей лѣтописи, утвердившись въ Панноніи и покоривъ своей власти тамошнія племена Славянскія, сдѣлались въ свою очередь страшными сосѣдями всѣмъ Славянамъ, Восточной имперіи и государствамъ западнымъ; но въ концѣ VIII вѣка были разбиты до истребленія Карломъ Великимъ; остатки же ихъ погибли отъ моровой язвы всѣ до одинаго. Оттого имя ихъ сдѣлалось у Славянъ поговоркой или притчей. Еще во время лѣтописца на Руси говорили о народѣ совершенно погибшемъ: „погибоша яко Обри“ Г. Гедеоновъ полагаетъ (Варяги и Русь, ч. II, стр. 451), что эта притча уже за два вѣка до Нестора была извѣстна Грекамъ, отъ которыхъ Несторъ заимствовалъ ее и объявилъ, что она до сегодня (то-есть, до его времени) существуетъ въ Руси. Но на самомъ дѣлѣ у Грековъ ни притчи, ни присловья объ Авахъ никакого не было. Въ письмѣ патріарха Николая словами Библии, приведенными у г. Гедеопова, говорится о гибели самихъ Аваровъ, всѣхъ безъ остатка. Это сказано и въ нашей лѣтописи объ Обрахъ еще прежде притчи: „Богъ потреби я, помроша“ вси; и не остана ни единъ Обринъ“. (Оттого) есть притча въ Руси и до сегодня: „погибоша яко Обри“. Княжничъ, сообщившій этой притчѣ письменную редакцію, вѣроятно, при византійской миссіи въ Кіевѣ, въ X вѣкѣ, прибавилъ къ ней безъ всякой надобности библейскую фразу, ту самую, которая читается у патріарха Николая: „ихъ же нѣсть племени, ни наслѣдка“. Фраза совершенно лишняя, потому что мысль, въ ней выраженная, уже заключается въ самой притчѣ; погибша яко Обри, подобно Обрамъ, значить: погибли всѣ до одинаго, никого не осталось. Такъ гово-

рили, вѣроятно, на Руси о конечной гибели враговъ и насильниковъ Славянъ.

И послѣ разные Славянскіе народы подпадали на болѣе или менѣе продолжительное время владычеству иноплеменниковъ, особенно Славяне, жившіе въ нынѣшней западной Россіи и странахъ Карпатскихъ, часто были покоряемы вторгавшимися изъ Азіи кочевниками; но ни одинъ изъ нихъ не смѣшивался съ побѣдителями, не исчезалъ надолго изъ взоровъ исторіи и не покидалъ всею массою своей родной почвы, а только пускалъ отъ себя во всѣ стороны болѣе или менѣе сильныя отпрыски, принимавшіе другія названія; такъ, послѣ паденія Гуннскаго государства, въ VI вѣкѣ, въ исторіи являются опять въ Западной Руси и въ странахъ Карпатскихъ тѣ же Славянскіе народы, какъ и въ Шв., и на тѣхъ же мѣстахъ, такъ что владычество Готовъ и Гунновъ не имѣло, по видимому, на Славянъ никакого вліянія, не произвело въ ихъ положеніи никакой замѣтной перемѣны; особенно къ сѣверу и востоку отъ Карпатовъ славянскій міръ еще расширился во время владычества Гунновъ; подлѣ прежнихъ явилось много новыхъ славянскихъ народовъ, частію вслѣдствіе отпаденіемъ отраслей отъ прежнихъ, частію вслѣдствіе переселенія къ нимъ выходцевъ отъ Карпатскихъ Славянъ.

Но въ нашей лѣтописи, начинающейся съ IX вѣка, нѣтъ уже ни Венедовъ на сѣверѣ, ни Антовъ на югѣ, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, по указанію древнихъ писателей, жили эти народы, она знаетъ другіе также древніе Славянскіе народы: на сѣверѣ Кривичей, въ верховьяхъ Западной Двины, Двѣпра и Волги; а на югѣ, по берегу Чернаго моря, между Двѣстромъ и Днѣпромъ Ульцевъ съ двумя отраслями—Тиверцами на юго-западѣ по Днѣстру и на югъ до устьевъ Дуная, и Угличами на сѣверо-востокѣ, между Ингульцемъ и Днѣпромъ у пороговъ. Объ Антахъ же нѣтъ и помину; ихъ не знаетъ и Баварскій землеписецъ, писавшій въ IX вѣкѣ; у него въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ греческія извѣстія помѣщаютъ Антовъ, живетъ многочисленный славянскій народъ Unlicі, то-есть, наши Ульцы, и изъ греческихъ хроникъ Анты исчезаютъ уже въ началѣ VII вѣка. У Теофилакта подъ 602 годомъ въ послѣдній разъ упоминается объ Антахъ, именно, говорится, что хаганъ Аварскій послалъ своего вождя Ансиха наказать Антовъ за ихъ союзъ съ Римлянами. Но здѣсь дѣло идетъ объ одной только толпѣ или объ отрядѣ Антовъ, посланномъ на помощь Римлянамъ въ войнѣ ихъ съ хаганомъ; самый же народъ Антовъ, безчисленный (ἀμετρα)—по выраженію Проконія, никакому наказанію

отъ Аварскаго хагана подвергнуться не могъ и спокойно оставался на своей исконной родинѣ какъ въ VII, такъ и въ послѣдующихъ столѣтіяхъ. Если имя его не упоминается болѣе въ греческихъ хроникахъ, такъ это потому, что отношенія его къ имперіи измѣнились: когда императоръ Юстиніанъ въ половинѣ VI вѣка уступилъ Антамъ права имперіи на городъ Туррисъ съ окрестными землями между устьями Дуная и Днѣстромъ, съ тѣмъ чтобъ они не пускали отсюда Гунновъ вторгаться въ имперію, то Анты, сдѣлавшись какъ бы стражами имперіи со стороны другихъ варваровъ, должны были прекратить и свои хищническіе набѣги и сдѣлаться друзьями Грековъ. Та часть Антовъ, которая поселилась въ городѣ Туррисѣ и въ уступленныхъ отъ имперіи земляхъ, между Днѣстромъ и Дунаемъ, назвалась Тиверцами, именемъ неизвѣстнымъ Грекамъ, но извѣстнымъ въ нашей лѣтописи, какъ названіе юго-западной вѣтви Ульцевъ. Стало быть, Анты, Унлицы и Ульцы—одинъ и тотъ же народъ, котораго славянское имя жльци произносилось различно: Греки первую носовую гласную передавали черезъ *av*, и слѣдующую затѣмъ согласную *λ*, какъ неудобную для произношенія послѣ *v*, вмѣстѣ съ полугласною *z* пропускали, а славянское *ц* не могли выразить иначе, какъ двумя буквами *тс*, изъ которыхъ послѣдняя передъ окончаніемъ *ас* выпадала въ произношеніи. И такимъ образомъ изъ жльци вышло греч. *Ἄντα*, лат. *Antes*. Баварскій землеписецъ, выразивъ носовую гласную чрезъ *un*, и замѣнивъ полугласную *z* гласною *u*, ближе всѣхъ подошелъ къ славянскому произношенію этого имени, которое въ нашей лѣтописи утратило носовой звукъ, вслѣдствіе замѣны начальнаго юса простою гласною *у*.

И такъ, наши Ульцы извѣстны на берегу Чернаго моря между Днѣстромъ и Днѣпромъ уже со II или III вѣка по Р., X. ибо все то, что въ греческихъ и латинскихъ извѣстіяхъ говорится объ Антахъ, есть первоначальная исторія Ульцевъ, составлявшихъ, вѣроятно, отрасль Хорватовъ, спустившуюся съ восточной отлогости Карпатскихъ горъ по теченію Днѣстра къ югу и занявшую луговую низменность или равнину (жло), отчего и прозвалась жльцами ¹⁾.

¹⁾ Вѣроятно, на этой черноморской равнинѣ Славяне-Ульцы застали еще Финновъ, составлявшихъ первобытныхъ обитателей во всей Европѣ, но постепенно тѣснимые съ юга и съ запада другими сильнѣйшими и болѣе храбрыми племенами, они отступали предъ ними къ дальнему сѣверу. Изъ западной Россіи тѣснила ихъ Славяне, а съ юго-востока народы сѣверо-тюркскаго племени.

Самый сѣверный славянскій народъ, вѣроятно, въ нашей гѣтописи носить свое собственное славянское имя—Кривичи, а прежде тотъ же народъ извѣстенъ былъ подъ именемъ Венедовъ, какъ называли его сѣверные его сосѣди Финны или Эсты, и подъ этимъ названіемъ онъ весьма рано сдѣлался извѣстнымъ и Скандинавамъ, и Германцамъ, и Римлянамъ. Тацитъ, какъ мы видѣли уже, знаетъ въ I вѣкѣ по Р. Х. Венедовъ, какъ восточныхъ сосѣдей Германіи, за рѣкою Вислою. Поэтому должно полагать, что Кривичи, названные Венедами, не съ Дуная пришли, а искони обитали на сѣверѣ, рядомъ со своими соплеменниками Литовцами, вмѣстѣ съ которыми, вѣроятно, и пришли сюда изъ Азіи. Слѣдовательно, Кривичи—самые древніе Славяне въ Россіи. Къ древнимъ Славянамъ въ нашей странѣ должно причислить, кромѣ упомянутыхъ уже Ульцевъ, еще Хорватовъ по сѣверо-восточнымъ отлогостямъ Карпатовъ, и Дульбовъ или Вужанъ, страна которыхъ Βουγγουδάϊβ (земля Вунгунтовъ, отъ Вунгъ, Бугъ) упоминается у Павла Діакона по древнимъ греческимъ источникамъ уже въ VIII вѣкѣ по

О древнемъ пребываніи Финновъ на Черноморьи у Карпатскихъ горъ свидѣтельствуется, между прочимъ, названіе Диѣстры у Геродота и у другихъ древнихъ писателей Τύρρις, Τόρας, происходящее отъ финскаго *tivri*—быстро текущая рѣка, въ которой вода течетъ не прямою струей, а кругами и извилинами, что по фински называется *tivitta*. Такого названія рѣка есть въ Финляндіи. Вероятно, и Тверца у Финновъ называлась *tivri* съ придачею *tiene* (малый), отъ чего Славяне и дали ей названіе въ уменьшительной формѣ Тверца, Тиверца. Славяне сѣвнѣе на востокъ отъ Диѣстры, заняли мѣста, доголдъ населенныя одними Финнами, которыхъ они или прогнали, или поработили и осадячили. Оба берега Оки были населены Финнами, которыхъ поселенія, вѣроятно, простирались на югъ до Чернаго и Азовскаго морей. Сама Ока именемъ своимъ напоминаетъ финское *joki* (рѣка). Еще называли ее *Рао*, отъ финскаго *raja* (граница). Мордва составляетъ въ настоящее время только малый остатокъ прежняго обширнаго финскаго населенія юго-восточной Россіи. Но средня Россіи, то-есть, пространство между Окой и Волгой, было настоящимъ средогочіемъ Финскаго племени, которое, спустившись съ Урала (*Wuogela*, горная страна), двигалось на югъ и юго-западъ, а не на холодный сѣверъ, куда оно загнано было послѣ другими народами. На плоской возвышенности между Окой и Волгой обитало древнее Финское племя, извѣстное уже Геродоту подъ именемъ *Аласони*, по имени котораго и самая возвышенность эта у Птолемея называется *τοπιὸν Ἀλαπί* и доселѣ известна подъ именемъ Алаунской возвышенности. Здѣсь жили эти Финны-Алавы еще и въ IV в. по Р. Х., и только шестствіе Гунновъ заставило ихъ удалиться на сѣверъ за Волгу къ своимъ единоплеменникамъ, составлявшимъ сѣверную вѣтвь того древняго племени *Алиис* (Онегъ) и называвшюся *Ulämilis* (верхній Онегъ). Остатки этого народа и теперь живутъ въ восточной Финляндіи подъ именемъ *Ashukclaiset*, Олончане.

Р. X., вмѣстѣ съ 'Avtaïß и Bantäiß (землями Антовъ и Вановъ или Венедовъ). Но приводя эти имена въ разказѣ о движеніи Лонгобардовъ съ сѣвера къ берегамъ Дуная, Павель Діакопъ сознается, что не знаетъ, что онѣ собственно означаютъ, особыя ли земли какія, или только селенія (pagus), въ которыхъ Лонгобарды на пути своемъ останавливались и хозяйничали нѣсколько времени. Посему, какъ имена ему неизвѣстныя, они не могли не подвергнуться въ его латинской транскрипціи искаженію: Woogunthaibъ обратился въ Wurgunthaib, а Bantäiß въ Bantthaib. Притомъ же эти имена приведены у него, кажется, не въ порядкѣ перехода Лонгобардовъ съ сѣвера къ югу, или въ географическомъ, а въ алфавитномъ порядкѣ: Anthaib, Bantthaib, Wurgunthaib.

IV. Источники Нестора о Славянахъ и другихъ народахъ, обитавшихъ въ Россіи во второй половинѣ IX в. и въ X вѣкѣ.

Перечень народовъ, населявшихъ Россію въ половинѣ IX вѣка и вошедшихъ въ составъ Русскаго государства, начинается въ нашей лѣтописи не этими четырьмя древнѣйшими славянскими народами, составляющими, такъ сказать, первый слой славянскій въ западной Россіи, осѣлшійся на финской почвѣ; лѣтописецъ начинаетъ съ Дунайскихъ Славянъ, которыхъ ведетъ изъ прародины ихъ Илирика (вѣроятно, по западно-славянскому письменному источнику) и поселяетъ сперва по всей дунайской долинѣ, откуда вслѣдствіе нашествія Волоховъ, то-есть, Римлянъ, многіе славянскіе роды или колѣна перешли за Карпаты на сѣверъ, западъ и востокъ, гдѣ эти выходцы, припавъ названія отъ мѣстъ, на которыхъ поселились, образовали новыя славянскіе народы. Поименовавъ народы, образовавшіеся изъ этихъ выходцевъ на западѣ и сѣверѣ, въ Моравіи, Чехіи и Польшѣ, лѣтописецъ переходитъ къ востоку и говоритъ: „такъ же и тѣи Словенѣ пришедшіе и сѣдоша по Днѣпру и нарекошася Поляне, а друзіи Древляне, заше сѣдоша въ лѣсахъ; а друзіи сѣдоша межю Припетью и Двиною и прозвашася Дреговичи; иніи сѣдоша по Двинѣ и нарекошася Полотчане; рѣчки ради, яже втечетъ въ Двину, имянемъ Полота, отъ сея Полотчане прозвашася; Словени же сѣдоша около озера Ильменя, прозвашася своимъ именемъ, и сѣдлаша градъ, и нарѣкоша и Новъгородъ; а друзіи сѣдоша по Деснѣ, и по Сема, и по Сулѣ, и нарѣкошася Сѣверяне“. За изчисленіемъ этихъ шести народовъ, составившихся изъ дунай-

скихъ выходцевъ въ нашей странѣ, слѣдуетъ заключительная фраза: „И такъ рассаждеса Словѣньскій языкъ; тѣмъ же и грамота прозвася Словѣньская“. Значить, ясно, что здѣсь окончился письменный памятникъ Нестора о Дунайскихъ Славянахъ. Но гдѣ этотъ памятникъ начинается въ нашей лѣтописи—указать трудно, потому что онъ слить съ предыдущимъ библейскимъ сказаніемъ о разрушеніи столпа и смѣшеніи языковъ. Должно полагать, что памятникъ этотъ есть ученый домыслъ какого-нибудь западно-славянскаго книжника, составленный въ Великой Моравіи, Чехіи, Польшѣ или другой западно-славянскои землѣ на основаніи легенды о посѣщеніи апостоломъ Павломъ Илирика, гдѣ онъ училъ Славянъ и поставилъ имъ учителя и намѣстника вмѣсто себя ученика своего Андроника апостола, единого отъ 70. Видѣть же въ этомъ памятникѣ сочиненіе Нестора, написанное притомъ по устнымъ преданіямъ, нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Если же онъ неизвѣстенъ западно-славянскимъ лѣтописцамъ, ни чешскимъ, ни польскимъ, и сохранился только въ нашей лѣтописи, то это легко объясняется тѣмъ, что только Несторъ имѣлъ похвальное обыкновеніе передавать событія подлинными словами своихъ источниковъ. Оттого въ его лѣтописи сохранились и древніе официальные акты, и труды предшествовавшихъ лѣтописцевъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, и разныя записки и замѣтки Русскихъ людей прежняго времени.

Свѣдѣнія о древнихъ славянскихъ народахъ въ Россіи оставилъ Несторъ, но не въ связи съ этимъ сочиненіемъ, а въ дальнѣйшемъ повѣствованіи своемъ въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ это казалось удобнѣе, чѣмъ видѣть отдѣльныхъ замѣтокъ. Такъ послѣ разказа о водныхъ сообщеніяхъ изъ Руси по рѣкамъ въ разныя стороны, о путешествіи апостола Андрея черезъ Русскую землю на сѣверъ, о построеніи Кіева, о правленіи и смерти трехъ братьевъ его строителей, послѣ которыхъ родъ ихъ продолжалъ править Полянми, онъ замѣтивъ, что и другіе, пришедшіе съ Дуная Словене, также имѣли свое правленіе „Деревляне свое, Дреговичи свое, Словене свое въ Новгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полотчане“, прибавляетъ сюда: „отъ сихъ же (то-есть, Полотчанъ) сѣдять и Кривичи, иже на верхъ Волги, и на верхъ Двины, и на верхъ Днѣпра, ихъ же градъ есть Смоленскъ; тудѣ бо сидять Кривичи“. Потомъ, указавъ, куда отъ Кривичей прійдутся жилища Сѣверянъ, и наименовавъ жилища Финскихъ народовъ, онъ подводитъ, такъ сказать, итогъ, въ которомъ перечисляетъ какіе въ Руси Славянскіе народы и какіе

иноплеменникъ; къ числу Славянъ здѣсь прибавлены, прежде еще упомянутые „Бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣ же Волянне“, но за то пропущены Кривичи, которые непременно должны принадлежать къ Русскимъ Славянамъ, и пропущены, вѣроятно, потому, что въ томъ источникѣ, изъ котораго выписывалъ Несторъ, не было именно сказано, что они Славяне. Далѣе, Несторъ разсказываетъ о разныхъ кочевникахъ, проходившихъ черезъ Русскую землю на Дунай и притѣснявшихъ Славянъ Дунайскихъ, въ томъ числѣ и объ Обрахъ, примучившихъ Дулѣбовъ. Потомъ, сказавъ повторительно, что Поляне и Древляне суть отъ рода Славянскаго, онъ ведетъ Радимичей и Вятичей отъ Ляховъ и поселяетъ первыхъ на рѣкѣ Сожѣ, а вторыхъ на Овѣ. Это третій слой славянскій на финской почвѣ Россіи, но какъ пришедшіе отъ Ляховъ, то-есть, изъ Польши, эти два рода какъ бы не считаются у Нестора славянскими. Затѣмъ, онъ указываетъ, какіе изъ этихъ Славянскихъ народовъ жили въ мирѣ между собою, и къ числу ихъ, вслѣдъ за Вятичами, прибавляетъ прежде не упомянутыхъ еще „Хорвати“, но безъ указанія мѣста ихъ жительства. Далѣе говорится: „Дулѣбы живяху по Бугу, гдѣ нынѣ Великияне“. Но это, кажется, тотъ же народъ, который выше названъ Бужанами; слѣдовательно, здѣсь онъ является вторично, вѣроятно—подъ своимъ племеннымъ именемъ. Наконецъ, указано мѣсто жительства Ульцевъ и Тивьрьцевъ по Бугу и по Днѣстру до самаго моря и на юго-западъ до устьевъ Дуная. Въ такомъ порядкѣ, или лучше сказать, безпорядкѣ приведены въ лѣтописи Нестора извѣстія о древнѣйшихъ въ нашей странѣ славянскихъ народахъ, которые или не принадлежали никогда къ Дунайскимъ Славянамъ, какъ напримѣръ, Кривичи, или выселились съ Дуная за Карпаты на сѣверо-востокъ еще до нашествія Римлянъ (Волоховъ) на Дунайскія земли.

Извѣстія эти дошли до Нестора также не въ устныхъ преданіяхъ; въ исходѣ XI вѣка не могло быть никакихъ преданій о народахъ IX вѣка, которые въ началѣ X или совсѣмъ исчезли, или жили въ другихъ мѣстностяхъ, или назывались другими именами. Такъ, на Черноморской равнинѣ между Днѣпромъ и Днѣстромъ съ начала X вѣка не было уже никакихъ Славянскихъ народовъ; жившіе здѣсь до этого времени Ульцы съ Тиверцами и Угличами были или истреблены, или вытѣснены изъ ихъ древнихъ жилищъ Печенѣгами. Остались только въ степи полуразрушенные города ихъ, о которыхъ упоминаетъ и Константинъ Багрянородный, описывая землю Печенѣговъ въ половинѣ X вѣка; остатки же оби-

тателей этихъ городовъ, то-есть, Ульцевъ (Ὀβλίνοι) и Тиверцевъ (Τιβεριάνοι) онъ указываетъ на сѣверъ отъ жилищъ Печенѣговъ, въ сосѣдствѣ съ Древлѣнами и Хорватами, слѣдовательно—въ Подоліи, и причисляетъ ихъ къ народамъ, платящимъ дань Руси. Вотъ въ это время, въ половинѣ X вѣка, когда остатки этихъ народовъ еще существовали, но въ другой уже мѣстности, можно было написать о нихъ то, что читаемъ въ лѣтописи Нестора, то-есть, что прежде Ульцы и Тиверцы сидѣли по Бугу и по Днѣстру; прилегали къ Дунаю; ихъ было множество, сидѣли они по всему теченію Буга и Днѣстра до самаго моря; тамъ города ихъ и до сегодня. Гдѣ же это первоначально, не позднѣе половины X вѣка, было написано? Въ донесеніяхъ византійской миссіи въ Кіевѣ. Подлинныя донесенія, отиравленные въ Константинополь, послужили матеріаломъ для совершенно вѣрныхъ и точныхъ извѣстій Константина Вагранороднаго о Руси, о Русской землѣ и о народахъ, въ ней обитавшихъ, а черновыя этихъ донесеній, или копій съ нихъ, оставшіяся въ архивѣ миссіи при церкви св. Ильи въ Кіевѣ, послужили источникомъ свѣдѣній Нестора какъ о первоначальныхъ жилищахъ Ульцевъ, Угличей и Тиверцевъ до X вѣка, такъ и о другихъ народахъ въ Россіи, краткія замѣтки о жилищахъ которыхъ онъ внесъ въ свою лѣтопись въ томъ видѣ, какъ нашелъ ихъ въ разныхъ донесеніяхъ и запискахъ миссіи. Оттого эти извѣстія и представляются въ лѣтописи, такъ сказать, натканными гдѣ попало, безъ системы и безъ связи. Вѣроятно, отъ себя Несторъ прибавилъ здѣсь только указаніе—какіе изъ этихъ народовъ Славяне и какіе иноплеменники въ современномъ ему Русскомъ государствѣ.

Мы выше замѣтили о церкви св. Ильи въ Кіевѣ. Эта церковь, впервые упоминаемая въ лѣтописи въ впаженіе Игоря подъ 6453 годомъ, существовала еще во время Нестора и была ему хорошо извѣстна; онъ говоритъ о ней: „яже есть надъ ручаемъ конецъ Пасынъче бесѣды и Козарѣ: се бо бѣ съборная церкви“. Въ прежнее время она была соборная, или соборъ, потому что въ ней обыкновенно служилъ самъ епископъ съ клиромъ собориѣ, а если когда не служилъ, то присутствовалъ при богослуженіи, сидя на своемъ сѣдалищѣ или каедрѣ; посему церковь эта могла называться и каедральною, и епископскою. Это была, безъ сомнѣнія, первая христіанская церковь въ Кіевѣ, построенная византійскою миссіей, тотчасъ послѣ крещенія Аскольда и его Руси, въ 865 или 866 году. При этой церкви жилъ и епископъ съ миссіей, при ней же, вѣроятно, устроено было общежительство, родъ монастыря, для тѣхъ изъ новообращенныхъ,

которые не могли или не хотѣли оставаться между язычниками; наконецъ въ самой церкви или въ особой пристройкѣ къ ней, безопасной отъ огня и воды, хранился архивъ миссiи. Самая миссiя, исполнивъ свое назначенiе, была упразднена въ концѣ X вѣка, когда, по крещенiи Владимира, свѣтъ христіанства озарилъ уже почти всю Русскую землю, и когда главою церкви, вмѣсто епископа или архіепископа, пачальника византійской миссiи въ Кіевѣ, сдѣлался митрополитъ Кіевскій и всея Руси. Но архивъ миссiи, хотя можетъ быть и не въ цѣлости, сохранился до времени Нестора, который въ немъ нашелъ богатые матеріалы для своей русской лѣтописи, и именно для первой эпохи Руси еще варяжской, до конца X вѣка, до смерти Святослава.

Въ этомъ архивѣ оказались: 1) официальные копии съ договоровъ Руси съ Греками, именно съ тѣхъ русскихъ договорныхъ хартій, которыя, при разнѣннѣ актовъ между договаривающимися сторонами, переданы были отъ имени Русскихъ князей императорамъ, въ замѣтъ полученныхъ князьями императорскихъ хартій, греческихъ съ приложеніемъ русскаго перевода. Эти послѣдніе, пожалуй, могли храниться у князей въ Кіевѣ, но въ лѣтописи попали не они, а копии съ грамотъ Русскихъ князей, выданныхъ императорамъ и хранившихся въ Константинополѣ, съ которыхъ копии тотчасъ по разнѣннѣ актовъ пересылаемы были византійскимъ правительствомъ къ его кіевской миссiи, какъ блюстительницѣ греческихъ интересовъ въ Руси.

2) Копія, тоже официальная, съ клятвенной записи Святослава, дапной Цимисхию по заключенiи мира въ Доростолѣ, въ іюлѣ мѣсяцѣ 971 года. Копія съ этого акта въ томъ же году, когда Святославъ былъ еще живъ, или когда Греки не знали еще о его гибели у Днѣпровскихъ порогахъ въ битвѣ съ Печенѣгами, была переслана въ Кіевъ къ миссiи съ предписаніемъ слѣдить за Русскимъ княземъ, если онъ, возвратившись въ Кіевъ, снова вздумаетъ подняться войною на имперію. По смерти же Святослава, когда и подлинное обязательство его утратило силу свою, въ копии съ него, какъ съ акта, потерявшаго свое значеніе, никому уже не было надобности.

3) Пасхальные таблицы съ замѣтками о событіяхъ историческихъ, русскихъ, греческихъ и болгарскихъ, сдѣланными современниками своевременно, то-есть, тотчасъ послѣ совершившихся событій. Эти замѣтки, прикрѣпляющія каждое событіе въ таблицѣ къ тому самому году, въ которомъ оно случилось, дали возможность Нестору ввести свою лѣтопись совершенно вѣрную хронологію мартовскими годами,

начиная съ 6860 года отъ сотворенія міра, въ которомъ будто бы впервые послышалось имя Русская земля, то-есть, въ Кіевѣ явилась передовая дружина Руси съ Аскольдомъ и Диромъ, событіе, которое Несторъ, не понявъ своего древняго источника, ошибочно принялъ за начало имени Русская земля для Кіева и страны Полянской. (Журн. М. Н. Пр., 1874 г., июль, стр. 89).

4) Донесенія епископа, главы миссіи въ Кіевѣ, патріарху и своему правительству по дѣламъ церковнымъ и политическимъ въ Русской землѣ, въ черновыхъ или въ копіяхъ, оставленныхъ при дѣлахъ въ архивѣ для памяти. Записки членовъ миссіи, также черновыя, сообщавшія византійскому правительству необходимыя свѣдѣнія о Руси и Русской землѣ въ разныхъ отношеніяхъ: въ историческомъ, географическомъ, этнографическомъ и проч. Одна такая записка, въ которой содержалось описаніе торговаго пути и всей дѣятельности Руси по византійской торговлѣ, переведенная на греческій языкъ, можетъ быть, для Константина Вагрянороднаго, составляетъ 9-ю главу въ его сочиненіи О управленіи государствомъ, которой мы уже коснулись въ примѣчаніи къ статьѣ: „Источникъ лѣтописнаго сказанія о происхожденіи Руси“ (см. Журн. М. Н. Пр. 1874 г., июня, стр. 231). Такія записки о разныхъ предметахъ, вѣроятно, составляли приложения къ донесеніямъ епископа. Такую же дополнительную записку составляла и реляція о кіевской катастрофѣ 881 г., и эту-то записку Несторъ положилъ въ основаніе своего повѣствованія о происхожденіи Руси.

Но г. Гедсоновъ и слышать не хочетъ, чтобы Несторъ имѣлъ письменные памятники, современные основанію Русскаго государства и говорящіе объ этомъ событіи. На мое заявленіе, что до Нестора могли дойти такіе памятники въ архивѣ византійской миссіи въ Кіевѣ, гдѣ сохранились до него и оффиціальныя копіи съ договоровъ Олега и Игоря, онъ возражаетъ: „Но какъ объяснить въ этомъ случаѣ, что Несторъ не говоритъ и не знаетъ о крещеніи Руси въ 865 году, о пребываніи въ Кіевѣ и имени перваго греческаго епископа на Руси? Лѣтописецъ съ виднымъ рвеніемъ цитируетъ свои греческіе авторитеты: „глаголетъ Георгій въ лѣтописаніи“, „якоже пишется въ лѣтописаньи гречестѣмъ“,—а объ оффиціальному актѣ перваго Кіевскаго епископа, объ актѣ, служащемъ основою всей первобытной исторіи Руси, онъ, Несторъ, не сказалъ бы ни слова?“ (Вагряги и Русь, ч. II, примѣч. 234).

Должно быть, г. Гедсоновъ или не понялъ меня, или не хо-

тѣмъ понятъ: я вовсе не говорилъ, что Нестору были доступны официальные акты перваго кievскаго епископа, главы византійской мисси; подлинныя донесенія, подписанныя епископомъ, не прятались въ архивѣ мисси въ Кіевѣ, а отсылались при первой возможности въ Константинополь, къ патріарху или византійскому правительству, а въ архивѣ мисси оставались только черновыя, съ которыхъ эти акты списаны, или снятыя съ нихъ копіи, но ни тѣ, ни другія никѣмъ не были подписаны и никакихъ признаковъ официальности не имѣли, а потому Несторъ и не могъ сослаться на нихъ, какъ на официальные акты; но они были важны для него по своему содержанию; онъ видѣлъ, что въ нихъ кто-то и къ кому-то писалъ о первыхъ временахъ Руси; онъ, можетъ быть, и догадывался, что это черновыя и копіи съ донесеній византійской мисси, отправленныхъ ею къ своему правительству или патріарху, но своихъ догадокъ и предположеній онъ нигдѣ не высказываетъ. Если Несторъ правильно понималъ значеніе выраженія соборная церковь, то онъ могъ съ достовѣрностью заключить, что въ Кіевѣ въ прежнее время, когда церковь св. Ильи называлась соборною, былъ епископъ глава византійской мисси, служившій въ этой церкви, которая послѣ, въ его время, не называлась уже соборною, потому что не имѣла уже епископа по ураздненіи мисси. Но какъ назывался не только первый, но и послѣдній, ближайшій ко времени Нестора, изъ этихъ епископовъ, начальниковъ мисси, Несторъ, разумѣется, не зналъ, ибо не видѣлъ никакихъ актовъ, ими подписанныхъ. А что Несторъ не знаетъ о крещеніи Руси въ 865 году,—это весьма естественно: донесеніе объ этомъ было послано къ патріарху въ концѣ того же 865 или въ самомъ началѣ слѣдующаго года, и съ того времени черновая этого донесенія должна была пролежать въ архивѣ почти два съ половиною вѣка до Нестора; разумѣется, она совершенно истлѣла, если не утратилась еще прежде другимъ какимъ-либо образомъ, и Нестору не откуда было узнать о крещеніи Аскольдовой Руси. Но донесеніе епископа было послано и получено патріархомъ, который въ своемъ окружномъ посланіи, писанномъ въ 866 году, говоритъ о крещеніи Руси, какъ о фактѣ уже совершившемся, и притомъ хвалитъ новокрестившихся за ревность и усердіе въ исполненіи обрядовъ христіанской вѣры. Въ этомъ же первомъ донесеніи епископъ, должно быть, сообщилъ изъ Кіева еще новое свидѣніе о Руси, котораго патріархъ, очевидно, не имѣлъ прежде, то-есть, что Русь поработила окрестъ его живущіе народы (τοὺς περιεπαύτων δουλοσφμενοι). Это выраженіе окру-

наго посланія совершенно ясно, и указываетъ на первыя завоеванія варяжской Руси на нашемъ славяно-финскомъ сѣверѣ при Рюрикѣ, когда дружина Русь, живя въ его Новгородскомъ княжествѣ, покорила ему и себѣ Полотчанъ, Ростовскую Мерю, Мурому и Весь Вѣлозерскую; къ этимъ окрестнымъ, дѣйствительно покореннымъ народамъ, должно причислить еще Поланъ съ Кіевомъ, у которыхъ уже съ осени 851 г. хозяйничала, хотя и не въ слѣдствіе завоеванія и даже не своимъ именемъ, та же Русь Рюрика, въ лицѣ двухъ мужей его, Аскольда и Дира.

Академикъ Кругъ, считая имя Русь равнозначительнымъ имени Норманны, придавъ словамъ окружнаго посланія патріарха Фотія слишкомъ обширное, ультра-нормацское значеніе, полагая, что патріархъ указываетъ на норманскія завоеванія вообще, то-есть, на западъ отъ Скандинавіи—въ Англій, Франціи и другихъ государствахъ европейскихъ, и на востокъ—въ земляхъ финскихъ и славянскихъ. Но смыслъ словъ Фотія совершенно исцѣпъ изъ нашей лѣтописи, въ которой перечислены всѣ окрестные народы, то-есть, жившіе вокругъ Новгородскаго княжества и покоренные Русью еще при Рюрикѣ, который роздалъ города и земли ихъ въ ленное владѣніе мужамъ своимъ, оставаясь самъ верховнымъ обладателемъ ихъ (то-есть, сюзереномъ), какъ и сказано въ лѣтописи: „и тѣми всеми обладале Рюрикѣ“.

Вѣроятно, вышеприведенная фраза окружнаго посланія о порабощеніи Русью окрестныхъ народовъ: τοὺς περιεπέλατον δουλοπάροχοι поставила г. Гедеонова въ весьма затруднительное положеніе; онъ не могъ не видѣть, особенно если сличилъ ее съ показаніемъ нашей лѣтописи, что Фотій говоритъ здѣсь о покореніи Русью народовъ, жившихъ около Новгородскаго княжества Рюрика, князя, призваннаго изъ-за моря, отъ Варяговъ, слѣдовательно, и Русь, дѣйствующая подъ его знаменемъ, должна быть не славянская, а варяжская, вмѣстѣ съ нимъ пришедшая изъ-за моря. Но признать ее дѣйствительно существующею и дѣйствующею г. Гедеонову невозможно было, ибо тогда пришлось бы отказаться отъ своего изобрѣтенія—славянской Руси, живущей искони вѣковъ на нашемъ благословенномъ югѣ въ счастливой безвѣстности, и вотъ, чтобы не допустить патріарха говорить о варяжской Руси, онъ старается отнести выраженіе его о порабощеніи окрестныхъ къ одолѣнію Аскольдомъ Древлянъ, Полотчанъ, Угличей, Печенѣговъ и проч. Но сообразивъ, вѣроятно, что епископъ изъ Кіева не могъ сообщить патріарху о такихъ небыва-

ныхъ подвигахъ Аскольда, и что одолѣніе не есть еще поработеніе, г. Гедеоновъ обращается къ общему смыслу окружнаго посланія и для него становится „очевидно, что патріархъ ищетъ, съ одной стороны, представить народъ Рѣс по возможности кровожаднымъ и необузданнымъ до крещенія, а съ другой—придать ему возможную степень значительности, чтобы тѣмъ болѣе возвысить цѣну новаго приобрѣтенія восточной церкви“. Значитъ, по мнѣнію г. Гедеонова, Русь не покорила никзкихъ окрестныхъ; это выдумалъ Фотій, желая придать народу Русь возможно болѣшую степень значительности, чтобы тѣмъ болѣе возвысить цѣну новаго приобрѣтенія восточной церкви. Значитъ, патріархъ, хотя и съ благою цѣлью, но сказалъ ложь, да еще и не побоялся повѣстовать ее въ окружномъ посланіи всему христіанскому міру. Такъ думаетъ г. Гедеоновъ. Но Фотій не лгалъ; онъ возмѣстилъ то, что узналъ изъ перваго донесенія епископа, посланнаго въ Кіевъ крестить Русь и собравшаго тамъ вѣрныя о немъ свѣдѣнія. Неизвѣстно, были ли въ этомъ первомъ донесеніи поименованы окрестныя, покоренныя Русью, но они поименованы въ запискѣ, приложенной къ одному изъ слѣдующихъ донесеній того же епископа, или его пресмыка, въ запискѣ, или какъ мы ее назвали, въ реляціи о кіевской катастрофѣ, написанной въ 883 году, и съ черновой или копіи внесенной въ лѣтопись Нестора, реляціи, изъ которой и видно, что подъ окрестными въ первомъ донесеніи разумѣлись Полотчане, Ростовская Меря, Весь Бѣлозерская и Муромъ, города и волости которыхъ Рюрикъ роздалъ въ ленное владѣніе мужамъ своимъ; а при Владимірѣ, когда ленная система была уничтожена, и ленныя владѣльцы исчезли, всѣ эти города и волости оказались въ составѣ Славяно-Русскаго государства, съ столицею въ Кіевѣ, основаннаго Олегомъ. Такимъ образомъ варяжская Русь, прибывшая съ Рюрикомъ и братьями его изъ-за моря, съ перваго появленія своего въ нашей странѣ уже трудится надъ основаніемъ Русскаго государства, и о дѣйствіяхъ его въ половинѣ IX вѣка знаетъ и патріархъ Фотій; слѣдовательно, это не можетъ быть народъ, изобрѣтенный Несторомъ; а вотъ славянская Русь, о дѣлахъ которой никто ничего не знаетъ, и которой нигдѣ не слышно и не видно, дѣйствительно изобрѣтена г. Гедеоновымъ.

III. Ламбинъ.